

Энн Райс
Пандора

Серия «Новые вампирские хроники», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119849

Пандора: Эксмо, Домино; М.; 2007

ISBN 978-5-699-23838-5

Аннотация

В маленьком кафе на одной из улочек современного Парижа прекрасная Дочь Тысячелетий Пандора пишет историю своей жизни – повесть о судьбе благородной римлянки эпохи Августа Цезаря и Тиберия, жрицы богини Изида, по прихоти судьбы оказавшейся в древней Антиохии и по собственной воле ставшей вампиром...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Энн Райс Пандора

Посвящается Стэну, Кристоферу и Мишель Райс

Сьюзан Скотт Квирос и Виктории Вильсон

Памяти Джона Престона

Ирландцам Нового Орлеана, которые в 1850-х годах построили на Констанс-стрит великолепную церковь Святого Альфонса и таким образом подарили нам прекрасный памятник веры и архитектурного искусства

Славе Греции и величию Рима

*О миссис Мур и эхе в Марабарских пещерах
...но эхо каким-то непостижимым образом начало разрушать ее связь с жизнью. Услышанное в тот момент, когда она уже утомилась, эхо умудрилось прошептать. «В мире есть место для сострадания, благочестия и отваги, что, по сути, одно и то же. В мире существует и разврат. Существует все, но ничто не поддается оценке».
Э. М. Форстер. «Путешествие в Индию»
Перевод В. Иванова*

*Ты веруешь, что Бог един:
Хорошо делаешь; и бесы веруют,
И трепещут.
Соборное послание
святого апостола Иакова
2:19*

*Как смешон и невежествен тот, кто дивится чему-либо из происходящего в жизни!
Марк Аврелий «Размышления»
Перевод С. Роговина*

Также веруем мы, что многие создания будут прокляты; например, ангелы, что упали с Небес вследствие гордыни своей, и теперь они – враги рода человеческого; и те смертные, что покидают сию юдоль скорби вне лона Святой Церкви нашей, то есть язычники; а также те, кто крещены, однако жизнь ведут не христианскую и умирают, лишённые любви, – всем им суждены адские муки на веки вечные, как учит Святая Церковь. И невозможно было мне, осознав это, поверить, что все обернется к лучшему, как то показывал

Господь наш. Но не было дано мне ответа на мое откровение, кроме следующего: «Что невозможно для тебя, для меня не невозможно. Свое слово я сдержу целиком и полностью и сделаю так, что все обернется к лучшему». Так милость Господня научила меня...

Юлиана Норвичская.

«Откровения Божьей любви»

Перевод А. Гузмана

Глава 1

Еще не прошло и двадцати минут с того момента, как ты оставил меня здесь, в кафе, с того момента, как я отрицательно ответила на твою просьбу написать историю моей смертной жизни, рассказать о том, как я стала вампиром, – о встрече с Мариусом всего через несколько лет после его Рождения во Тьму.

И вот я открыла твой блокнот и пишу одной из тех вечных чернильных ручек с тонким пером, что ты мне оставил. Чувственный след черных чернил на дорогой, безупречно белой бумаге приводит меня в восторг.

Естественно, Дэвид, ты оставил мне нечто элегантное – красивую приманку. Ведь переплет этого блокнота сделан из темной лакированной кожи с узором из прекрасных роз без шипов, но с листьями – узор в конечном счете остается не более чем узором, но свидетельствует об основательности. Этот переплет словно гласит: «Тем, что написано под этой тяжелой и красивой обложкой, пренебрегать нельзя».

Плотные страницы с бледно-голубыми линейками... Ты практичен, ты все продумал и, вероятно, знаешь, что я редко брала в руки перо и бумагу.

Даже в резком царапанье пера по бумаге есть что-то пленительное – оно напоминает мне о тончайших древнеримских перьях, которыми я, склоняясь над пергаментом, писала письма отцу или заполняла страницы своего дневника... Ах этот звук! Единственное, чего мне сейчас не хватает, – это запаха чернил, но ведь в руках у меня изящная пластмассовая ручка, и она будет оставлять тонкий и глубокий след еще на многих сотнях страниц.

Вот видишь – я все-таки задумалась о твоей просьбе и записываю собственные размышления, а значит, кое-что ты от меня получишь. За окном идет дождь, в кафе не смолкает шумная болтовня, и я вдруг поняла, что возвращение на две тысячи лет назад не обязательно будет агонией, а может доставить чувство, близкое к удовольствию, как, например, кровь. Вероятно, поэтому я уступаю тебе, подобно тому как уступают всем нам смертные.

Я тянусь за жертвой, одолеть которую нелегко, – за моим личным прошлым. Возможно, эта жертва убежит от меня с быстротой, способной поспорить с моей скоростью. Так или иначе, я выслеживаю жертву, которую никогда не знала в лицо. В этом и заключается волнение охоты – в том, что современный мир называет расследованием.

В противном случае, почему бы я так живо увидела те времена? Ты не давал мне никакого магического зелья, высвобождающего мысли. Для нас существует только одно зелье, и имя ему – кровь.

«Вы все вспомните», – сказал ты мне по дороге в кафе.

В сравнении с нами ты еще очень молод, но в своей смертной ипостаси успел дожить до столь преклонного возраста – тогда ты был настоящим ученым. Наверное, вполне естественно, что ты так смело пытаешься собрать наши истории.

Но зачем пытаться объяснять здесь истоки твоего любопытства, твоей храбрости перед лицом утопающей в крови истины?

Как же ты смог разжечь во мне это желание вернуться на две тысячи лет назад – почти на две – и рассказать о смертных днях моей земной жизни в Риме, о том, как я присоединилась к Мариусу и поделила с ним весьма маленький шанс сопротивляться Судьбе?

Как же смогли корни, давно похороненные, давно отвергнутые, внезапно поманить меня за собой? Дверь распахнулась. Сияет свет. Входи!

Я снова сижу в кафе.

Я пишу, но останавливаюсь и оглядываюсь, рассматривая публику, заполнившую это парижское кафе. Тусклые и бесполое современные ткани... Я вижу юную американку в оливково-зеленом военизированном костюме – все ее пожитки умещаются в небольшом,

перекинутом через плечо рюкзачке; вижу старого француза, вот уже несколько десятилетий приходящего сюда только лишь затем, чтобы насладиться видом оголенных рук и ног, чтобы упиваться жестами молодых – как вампиры упиваются кровью – в ожидании того драгоценного, словно экзотический камень, момента, когда женщина со смехом откинется назад, держа сигарету в руке, и ткань ее синтетической блузки натянется на груди...

Старик... Седые волосы и дорогое пальто. Он ни для кого не представляет опасности. Сегодня он вернется в скромную, но элегантную квартиру, где проживает со времен последней великой мировой войны, и будет смотреть фильмы молодой красотки Брижит Бардо. Он считает, что живет. Он не прикасался к женщине вот уже десять лет.

Я не отвлекаюсь, Дэвид. Я бросаю якорь. Ибо я не стану изливать свою историю, словно пьяный оракул.

Я очень внимательно рассматриваю этих смертных. Они выглядят такими свежими, экзотичными и одновременно приторными – в детстве такими же казались мне тропические птицы, до того полные трепетной, бунтарской жизни, что мне хотелось сжать их, чтобы ее отобрать, чтобы в моей руке захлопали их крылья, чтобы похитить у них полет, завладеть им, попользоваться. Ах, те страшные минуты детства, когда случайно давишь жизнь в ярко-красной птице.

Но есть среди посетителей кафе и зловещие, мрачно одетые смертные: торговец кокаином, – а они встречаются везде, наша излюбленная добыча, – ожидающий в дальнем углу своего связного: длинное кожаное пальто от знаменитого итальянского дизайнера, волосы сбоку выбриты, а на макушке оставлены густые пряди... Весь его внешний облик рассчитан на то, чтобы выделяться в толпе, хотя в этом нет необходимости, если принять во внимание огромные черные глаза и жесткую линию рта, которому природа предназначала выражать великодушие. Он нервно елозит зажигалкой по мраморному столику – типичные жесты наркомана, – вертится и беспокойно оглядывается, не в силах сидеть спокойно. Он и не подозревает, что никогда больше в этой жизни не будет знать покоя. Ему хочется выйти и вдохнуть кокаин, без которого он страдает, но вместо этого приходится ждать связного. Его ботинки чрезмерно блестят, а длинные тонкие руки никогда не состарятся.

Думаю, этот человек умрет сегодня вечером. Я чувствую, как во мне копится желание лишить его жизни собственными руками. Он накормил ядом слишком многих! Проследить за ним, заключить в объятия... Мне даже не придется обволакивать его видениями – достаточно дать понять, что смерть настигла его в обличье женщины, чересчур белой, чтобы быть человеком, и до такой степени разглаженной веками, что она скорее похожа на ожившую статую. Но те, кого он ждет, сговариваются его убить. Зачем же мне вмешиваться?

Какой меня видят эти люди? Женщина с длинными, волнистыми коричневыми волосами, окутывающими ее словно монашеская накидка, с лицом до того белым, что кажется, будто это искусственно созданная маска, а неестественный блеск глаз явственно замечен даже за стеклами очков в золотистой оправе.

Да, мы должны быть очень благодарны этому веку за великое разнообразие очков, ибо стоит мне их снять, как приходится низко наклонять голову, чтобы не пугать людей игрой желтого, коричневого и золотистого оттенков моих глаз, с течением столетий превратившихся в некое подобие драгоценных камней, так что я произвожу впечатление слепой женщины, у которой вместо зрачков – топазы, а точнее – мозаика, аккуратно выложенная из топазов, сапфиров и даже аквамарин.

Вот видишь, я исписала столько страниц, но так ничего и не сказала, кроме: «Да, я расскажу, с чего все началось».

И все-таки я поведаю тебе историю своей смертной жизни в Древнем Риме, а также о том, как я встретила и полюбила Мариуса и как мы расстались с ним впоследствии.

Это решение перевоплотило меня.

Сжимая в пальцах ручку, я чувствую себя невероятно сильной, но, прежде чем приступить к выполнению твоей просьбы, мне хочется более подробно поговорить о нас с тобой.

Перед моими глазами мирный Париж. Идет дождь. По обе стороны бульвара возвышаются царственные серые здания с двойными окнами и железными балконами. По улицам с шумом мчатся грозные автомобили. Кафе заполнены туристами со всего мира. Древние церкви окружены жилыми строениями, дворцы превратились в музеи, и в их залах я провожу многие часы, рассматривая вещи из Египта или Шумера, многие из которых даже старше меня. Повсюду заметно влияние римской архитектуры, точные копии храмов моего времени сегодня служат банками. Английский язык в изобилии использует привычные моему слуху латинские слова. Овидий, мой любимый Овидий, предсказавший, что его поэзия переживет Римскую империю, оказался прав.

Зайди в любой книжный магазин – и увидишь аккуратные издания его стихов в бумажных обложках, предназначенных для того, чтобы привлекать внимание студентов.

Римское влияние рассеяно повсюду, его могучие дубы прорастают сквозь заросли современных компьютеров, цифровых дисков, микровирусов и космических спутников.

Здесь всегда можно с легкостью отыскать соблазнительное зло, отчаяние, заслуживающее ласкового конца.

А во мне всегда должна присутствовать определенная доля любви к жертве, милосердие, некий самообман – сознание того, что даруемая мной смерть не запятнает великую завесу неизбежности, сплетенную из деревьев, земли, звезд и событий человеческой жизни, парящую над нами и готовую накрыть собой все, что было создано, все, что нам известно.

О чем ты подумал, когда встретил меня прошлой ночью, прогуливающейся в одиночестве по мосту над Сеной в последние часы исполненной опасности темноты, незадолго до рассвета?

Ты увидел меня прежде, чем я ощутила твое близкое присутствие. Накинув капюшон, я позволила глазам насладиться тусклым освещением. Моя жертва стояла у перил, еще совсем ребенок, но уже замученный и ограбленный сотней мужчин. Она хотела умереть в воде. Не знаю, достаточно ли глубока Сена, чтобы в ней можно было утонуть. Так близко от Иль-Сен-Луи. Так близко от Нотр-Дам. Вероятно, можно, если удастся подавить последнее желание бороться за жизнь.

Но я чувствовала, что душа этой жертвы превратилась в пепел, как будто ее дух кремировали и осталось лишь тело – изношенная, снедаемая болезнями скорлупа. Я обвила малышку рукой и, увидев в обращенных на меня черных глазах страх, прочитав в них еще не высказанный вопрос, окутала ее образами. Несмотря на то что кожа моя была покрыта сажей, я все же походила на Деву Марию, и она запела исполненные преданности гимны, даже мои покрывала казались ей такими, какими виделись в детстве, в церкви, – и она полностью отдалась мне, а я... Я знала, что пить мне не обязательно, но я жаждала ее, жаждала душевной боли, которую она в последний момент выпустит на свободу, жаждала вкусной красной крови, которая наполнит мой рот и в самый чудовищный миг позволит мне снова почувствовать себя человеком... Я уступила ее видениям и провела пальцами по воспаленной нежной коже ее склоненной шеи... Именно в тот миг, когда я вонзила в нее зубы и начала пить, я поняла, что ты рядом. Ты следил за мной.

Я поняла, почувствовала, увидела нас твоими глазами, но, несмотря на смятение, наслаждение горячило мне кровь, заставляло поверить, что я до сих пор жива, что по-прежнему каким-то образом связана с полями клевера или с деревьями, чьи корни уходят в землю глубже, чем ветви, воздетые к небосводу.

В первый момент я тебя возненавидела – ведь ты застал меня за трапезой, ты наблюдал, как я ей отдавалась, но при этом и понятия не имел о моем многомесячном воздержании, самоограничении, скитаниях. Ты видел только внезапный всплеск нечистого желания

высосать из нее всю душу, заставить сердце вострепнуться, лишиться ее вены всех до единой драгоценных частиц и таким образом отнять последнюю надежду на выживание.

А она хотела жить! Окутанное видениями святых, вспомнив вдруг о груди, что его вскормила, это юное существо отчаянно сопротивлялось и билось из последних сил. Малышка была такой мягкой, а мое тело – твердым, как у статуи, и моя лишенная молока грудь, высеченная в мраморе, не принесла бы ей утешения. Пусть лучше увидит свою мертвую мать – она ее ждет. А я подсмотрю ее умирающими глазами свет, через который она мчится к этому безусловному спасению.

Потом я о тебе забыла. Никому не удастся лишить меня этого удовольствия. Я стала пить медленнее и позволила ей вздохнуть, наполнить легкие холодным речным воздухом. Теперь мать приблизилась к ней настолько, что смерть для нее стала такой же безопасной, как материнское чрево. Я выпила ее всю, до последней капли.

Она, мертвая, повисла у меня на руках, словно я спасла ее, ослабевшую пьяную девушку, которой стало плохо, и теперь помогала спуститься с моста. Проникнув рукой в ее тело – даже эти тонкие пальцы способны с легкостью разорвать плоть, – я вынула сердце, поднесла его к губам и высосала – высосала, как сочный фрукт, – пока ни в одном фибре, ни в одном желудочке не осталось крови. И тогда я медленно – наверное, ради тебя – подняла ее и уронила в воду, к которой она так стремилась.

Теперь река без борьбы наполнит ее легкие. Теперь не будет последних отчаянных всплесков. Я допила из сердца, чтобы лишить его даже цвета крови, и бросила его следом – раздавленный виноград. Бедное дитя... дитя сотни мужчин.

Потом я повернулась к тебе и показала, что знаю – ты следил за мной. Наверное, я хотела тебя напугать. В гневе я дала тебе понять, как ты слаб, что никакая кровь, полученная от Лестата, не спасет тебя, если я решу расчленить твоё тело, разжечь в тебе смертоносный жертвенный огонь и уничтожить – или же просто наказать, оставив глубокий шрам, – за то лишь, что ты шпионил за мной.

На самом деле я никогда не поступала так с молодыми. Мне жаль, что при встрече с нами, древними, они трясутся от ужаса. Но, насколько я себя знаю, мне следовало удалиться так быстро, чтобы ты не смог последовать за мной в ночь.

Меня очаровало что-то в твоём поведении, манера, в которой ты приблизился ко мне на мосту, твоё молодое англо-индийское загорелое тело, с таким соблазнительным изяществом тронутое печатью твоего истинного возраста. Такое впечатление, что ты всем своим видом спрашивал меня: «Пандора, мы можем поговорить?» – однако в просьбе твоей не было униженности.

В голове у меня все смешалось, и, возможно, ты это понял. Не помню, стала ли я закрывать от тебя свой разум, к тому же я знаю, что в действительности твои телепатические способности не очень сильны. У меня разбрелись мысли – может быть, сами по себе, может быть, с твоей подачи. Я подумала, сколько всего могу рассказать тебе, причем повествования мои будут в корне отличаться от историй Лестата или историй Мариуса, рассказанных Лестатом, и почувствовала необходимость предостеречь тебя, предупредить об опасности со стороны вампиров далекого Востока, которые непременно уничтожат тебя, если ты появишься на их территории, – убьют просто потому, что ты там оказался.

Мне нужно было убедиться, что ты понимаешь: источник нашего бессмертного вампирского голода обитает в двух существах – Мекаре и Маарет, таких древних, что они кажутся уже не столько прекрасными, сколько ужасными. И если они уничтожат себя, все мы умрем.

Мне захотелось рассказать тебе о тех, кто никогда не считал нас племенем, не знал нашей истории, кто пережил страшный огонь, которым наша Мать Акаша жгла своих детей. Мне захотелось рассказать тебе о бродящих по Земле существах, которые внешне похожи

на нас, но по происхождению имеют к нам не большее отношение, чем к людям. И внезапно я ощутила жгучее желание взять тебя под свое крыло.

Должно быть, причиной все-таки был ты. Я видела перед собой истинного английского джентльмена, который легко и непринужденно соблюдал правила этикета, – никогда прежде не приходилось мне встречать подобного тебе мужчину. Твоя изысканная одежда привела меня в восхищение – ты доставил себе удовольствие облачиться в легкий черный плащ из гребенной шерсти и даже позволил себе такую роскошь, как блестящий красный шелковый шарф. Как же ты изменился с момента своего перерождения!

Пойми, я не знала о той ночи, когда Лестат превратил тебя в вампира. Этого момента я не почувствовала.

Однако в предшествующие недели весь сверхъестественный мир был взбудоражен известием о том, что какой-то смертный перешел в тело другого смертного, – мы всегда в курсе такого рода событий, словно о них рассказывают нам звезды. Чей-то сверхъестественный разум улавливает расходящиеся кругами отголоски того или иного нарушения ткани обыденного, другой разум принимает образ и передает его дальше...

Дэвид Тальбот, чье имя было знакомо всем нам в связи с почтенным орденом исследователей-экстрасенсов Таламаски, сумел полностью перенести душу и бесплотную часть своего существа в тело другого человека, которое в тот момент находилось во власти похитителя тел. Но ты его вытеснил – и в результате прочно обосновался в новом теле, сплавив воедино молодые клетки и накопленный за семьдесят четыре года жизненный опыт со всеми присущими ему проблемами, помыслами и ценностями.

И этого Дэвида Перерожденного, Дэвида, обладавшего блистательной индийской красотой и всеми достоинствами, обусловленными британским происхождением и воспитанием, Лестат превратил в вампира, завладел и телом его, и душой, довершив чудо Обрядом Тьмы. Он вновь совершил грех, в равной мере потрясший его современников и тех, кто намного старше.

И это сделал с тобой твой лучший друг!

Добро пожаловать во Тьму, Дэвид. Добро пожаловать в царство шекспировской «луны непостоянной».

Ты храбро направился ко мне по мосту.

«Простите меня, Пандора», – тихо произнес ты с безупречным британским акцентом, характерным для высших слоев общества, и с привычной обманчивой британской ритмичностью, столь соблазнительной, что в ней почти что слышится: «Все вместе мы спасем мир».

Ты держался на почтительном расстоянии, словно я невинная девушка девятнадцатого века, чьи нежные чувства ты не осмеливаешься потревожить.

Я улыбнулась.

Потом я все же дала себе волю и как следует рассмотрела стоящего передо мной молодого вампира, которого посмел создать Лестат вопреки запретам Мари-уса. И увидела главное: огромную человеческую душу, бесстрашную, но подверженную отчаянию, и тело, которое Лестат так стремился сделать сильнее, что сам едва не пострадал, отдав тебе гораздо больше крови, чем требовалось для трансформации и чем мог пожертвовать без ущерба для себя. Он старался передать тебе свое мужество, свою сообразительность, свое коварство; он пытался выковать для тебя броню из крови.

Он достиг желаемого. Твоя сила заметна и обусловлена множеством факторов. С кровью Лестата смешалась кровь нашей царицы-Матери Акаши. Мариус, мой древний возлюбленный, тоже давал ему кровь. Ох уж этот Лестат! Чего только о нем не рассказывают! Говорят, что он, возможно, пил даже кровь самого Христа.

Именно об этом я заговорила с тобой в первую очередь – только лишь потому, что слишком уж сильным было мое любопытство. Ибо, как правило, любая попытка больше

узнать об этом мире заставляет столкнуться с невероятным количеством трагедий и не вызывает ничего, кроме отвращения.

«Расскажи мне правду, – попросила я. – О той истории, о Мемнохе-дьяволе. Лестат утверждал, что попал на Небеса и в преисподнюю. Он принес с собой Покрывало святой Вероники с изображенным на нем ликом Христа! Оно обратило тысячи людей в христианство, излечило их от отчуждения и избавило от горечи. Оно заставила других Детей Тьмы воздеть руки навстречу смертоносному утреннему свету, как будто это не солнце, а божественный огонь».

«Да, все произошло так, как я описывал, – с этими словами ты слегка наклонил голову, но скорее из вежливости, чем от преувеличенной скромности. – И вам известно, что некоторые... из нас погибли в своем рвении, в то время как газетчики и ученые собирали наш пепел для исследований».

Твое спокойствие приводило меня в восхищение: благоразумие двадцатого века, разум, обогащенный и отягощенный несметным количеством информации, живая речь, интеллект, склонный к скорости решений, синтезу, исследованию вероятностей, – и все это на фоне ужасных происшествий, войн, резни, хуже которых мир еще не видывал.

«Все это произошло на самом деле, – сказал ты. – И я действительно встречался с Мекаре и Маарет – древнейшими из нас, а потому вам нет нужды опасаться, ибо я знаю, как хрупок наш корень. Однако я весьма признателен вам за доброту и заботу обо мне».

Я была очарована.

«А что ты сам подумал о священном Покрывале?» – спросила я.

«Фатима, госпожа наша, – тихо произнес ты. – Покровы Турина, калека, выходящий из чудотворных вод Лурдеса! Какое утешение мы бы обрели, если бы могли с легкостью принять все это на веру!»

«А ты не поверил?»

Ты покачал головой.

«Лестат на самом деле тоже не поверил. Покрывало унесла в мир смертная девушка Дора – она выхватила его у Лестата. Но должен сказать, что вещь эта уникальна и изготовлена с непревзойденным мастерством, мне никогда не доводилось видеть предмет, более заслуживающий названия „реликвия“. – В твоем голосе явственно прозвучало уныние. – Его создавали с какими-то грандиозными намерениями».

«А вампир Арман, хрупкий маленький Арман, – он поверил? – спросила я и добавила в ожидании утвердительного ответа: – Арман посмотрел на него и увидел лицо Христа».

«В достаточной степени, чтобы умереть за него, – мрачно заметил ты. – Достаточно, чтобы раскрыть объятия навстречу восходящему солнцу».

Ты отвел взгляд и прикрыл глаза, моля таким образом не принуждать тебя к разговору об Армане и о том, как он ушел в утренний огонь.

Я вздохнула – твое умение столь четко и ясно выражать свои мысли и твой скептицизм в сочетании с очевидной привязанностью к остальным удивили и пленили меня.

«Арман... – потрясенно произнес ты, по-прежнему избегая моего взгляда. – Какой рекем. Знает ли он теперь, действительно ли Мемнох был настоящим, действительно ли Бог Воплощенный, искушавший Лестата, был сыном Бога Всемогущего? Знает ли это хоть кто-нибудь?»

Твой серьезный тон и звучащая в нем страсть тронули меня. Ты не пресыщен, не циничен. Чувства, которые ты испытывал в связи с произошедшими событиями, твое отношение к этим существам, к стоявшим перед тобой вопросам были вполне искренними.

«Кстати, – добавил ты, – Покрывало заперли. Оно находится в Ватикане. В течение двух недель в соборе Святого Патрика на Пятой авеню творилась настоящая суматоха – все приходило заглянуть в глаза Господу. Потом священники забрали его и увезли в свои сокро-

вищницы. Сомневаюсь, что сейчас хоть один народ обладает достаточной властью, чтобы увидеть его».

«А Лестат? Где он сейчас?»

«Он парализован и молчит. Лежит без движения на полу часовни в Новом Орлеане и не произносит ни звука. К нему пришла его мать. Вы ее знаете – Габриэль; он сделал ее вампиром».

«Да, я ее помню».

«Даже на нее он никак не реагирует. Что бы он ни увидел в ходе своего путешествия на Небеса и в ад, он никоим образом не знает, насколько это правда, – и он пытался объяснить это Доре! А через несколько ночей после того, как я с его слов записал всю историю, он впал в такое состояние».

Его глаза устремлены в одну точку, а тело безвольно и податливо. Они с Габриэль составляют удивительную пиету в часовне заброшенного монастыря. Разум его закрыт, хуже того – он пуст».

Я вдруг поняла, что мне очень нравится твоя манера речи, и это открытие, должна признаться, застало меня врасплох.

«Я ушел от Лестата, поскольку помочь ему или хотя бы достучаться до его сознания оказалось не в моих силах, – тем временем продолжал ты. – И мне необходимо выяснить, хочет ли кто-либо из старейших покончить со мной; я должен отправиться в путешествие и совершенствовать свои знания, чтобы познакомиться с опасностями мира, в который меня приняли».

«Ты слишком прямолинеен. И начисто лишен хитрости».

«Напротив. Я скрываю от вас свои самые большие достоинства. – Ты медленно, вежливо улыбнулся. – Ваша красота меня смущает. Вы к этому привыкли?»

«Вполне, – сказала я. – И устала от этого. Не обращай внимания. Позволь предупредить, что среди нас есть очень древние, никому не известные существа, и никто не знает, что именно они собой представляют и откуда пришли. Ходят слухи, что ты побывал у старейших из нас – Маарет и Мекаре; теперь они служат источником жизни всех нам подобных. Судя по всему, они удалились от нас и от всего мира, скрылись в тайном убежище и не жаждут власти».

«Вы абсолютно правы, – подтвердил ты, – и моя аудиенция была прекрасной, но краткой. Они не хотят никем править; с другой стороны, пока существует мир и в нем с незапамятных времен живут потомки Маарет – тысячи ее смертных потомков, Маарет никогда не уничтожит ни себя, ни свою сестру, тем самым погубив каждого из нас».

«Да, – ответила я. – Она верит в Великое Семейство, за всеми ветвями которого следит тысячелетиями, из поколения в поколение. Я видела ее, когда мы все собирались вместе. Она не считает нас злом – ни меня, ни тебя, ни Лестата. Она уверена, что все мы такое же явление природы, как вулканы, пожары, бушующие в лесах, или насмерть поражающие человека молнии».

«Совершенно верно, – сказал ты. – Царицы Проклятых больше нет. Я опасаясь только одного бессмертного – вашего возлюбленного Мариуса. Потому что именно он перед уходом наложил строгий запрет на создание новых существ, пьющих кровь. По мнению Мариуса, я низкого происхождения. Будь он англичанином, он выразился бы именно так».

Я покачала головой.

«Не думаю, что он причинит тебе вред. Разве он не пришел к Лестату? Разве он не пришел своими глазами взглянуть на Покрывало? – На оба вопроса ты ответил отрицательно. – Прими мой совет: как только почувствуешь его присутствие, заговори с ним. Побеседуй с ним так, как беседуешь со мной. Начни разговор, прервать который он не решится».

Ты снова улыбнулся.

«Удивительно остроумная формулировка».

«Но я не думаю, что у тебя есть основания для страха перед ним. Пожелай он стереть тебя с лица земли, сделал бы это давно. Нам нужно бояться того же, чего боятся смертные, – существования других представителей нашего вида, обладающих иными, отличными от наших, способностями и верованиями, относительно местонахождения которых и их намерений мы никогда не можем быть уверены. Вот об этом я и хотела тебя предупредить».

«Вы так добры, что тратите на меня время», – сказал ты.

Я чуть не заплакала.

«Все как раз наоборот. Ты даже представить себе не можешь, в каком одиночестве и безмолвии я скитаюсь, и, надеюсь, ты сам никогда не испытаешь ничего подобного. Ты же сумел подарить мне тепло, не грозящее смертью, и насытить меня без крови. Я рада, что ты пришел».

Я увидела, как ты по обычаю молодых поднял глаза к небу.

«Я понимаю, сейчас мы должны расстаться. – Ты неожиданно повернулся ко мне и умоляющим тоном произнес: – Давайте встретимся завтра вечером и продолжим разговор! Я приду в кафе, где вы каждую ночь предаетесь раздумьям. Я вас найду. Давайте побеседуем!»

«Значит, ты меня там видел?»

«Да, и очень часто. – Ты вновь отвел взгляд, пытаясь, наверное, скрыть свои чувства, но чуть позже твои темные глаза опять обратились на меня, и я услышала шепотом произнесенный вопрос: – Пандора, нам принадлежит весь мир, не так ли?»

«Не знаю, Дэвид. Но завтра мы встретимся. Почему ты не подошел ко мне там? Там, где тепло и светло?»

«На мой взгляд, это гораздо более дерзкое вторжение – нарушить ваше священное уединение в переполненном кафе. В такие места ходят, чтобы насладиться одиночеством, – или я ошибаюсь? Так мне показалось приличнее. И я не собирался глазеть на вас. Как большинству молодых вампиров, мне приходится питаться каждую ночь. Мы встретились тогда по чистой случайности».

«Это очаровательно, Дэвид, – сказала я. – Меня уже давно никто не очаровывал. Встретимся... завтра вечером».

И мной вдруг овладело грешное желание. Я подошла к тебе и обняла, зная, что мое древнее тело, твердое и холодное, заденет в твоей душе глубочайшие струны и приведет в ужас, – ведь ты новорожденный и с легкостью сходишь за смертного.

Но ты не отстранился. А когда я поцеловала тебя в щеку, ты вернул мне поцелуй.

И вот сейчас, сидя в кафе и глядя на лежащий передо мной блокнот, я с интересом думаю... возможно, пытаясь донести до тебя этими словами нечто большее, чем только то, о чем ты просил... что бы я сделала, если бы ты не поцеловал меня, а в страхе отпрянул, как по большей части поступают молодые вампиры...

Дэвид, ты настоящая загадка.

Вот видишь, я начала не с летописи своей жизни, но с того, что произошло между нами за эти две ночи.

Позволь мне это, Дэвид. Позволь поговорить о нас с тобой, и тогда, может быть, я смогу восстановить свою потерянную жизнь.

Когда сегодня вечером ты пришел в кафе, я и не обратила особенного внимания на эти блокноты. Их было два. Оба толстые.

От них приятно пахло старой кожей. Но лишь когда ты положил их на стол, я смогла уловить посланный твоим всегда сдержанным и невозмутимым разумом импульс, свидетельствующий о том, что они имеют ко мне отношение.

Я выбрала столик в центре переполненного зала, как будто мне хотелось оказаться в середине водоворота смертных запахов и событий. У тебя был довольный вид, ты ничего не боялся и чувствовал себя как дома.

Ты был одет в очередной потрясающий костюм современного покроя и плащ из гребенной шерсти, сшитый со вкусом, но по моде Старого Света, а твоя золотистая кожа и светящиеся глаза вскружили голову всем до единой женщинам и даже некоторым мужчинам.

Ты улыбнулся. Должно быть, я показалась тебе улиткой – в этом-то плаще и капюшоне, в золотых очках, закрывавших половину лица, и со следами дешевой фиолетово-розовой – цвета синяков – помады на губах. В зеркале, в магазине, она произвела на меня соблазнительное впечатление – мне понравилось, что не придется прятать рот, ибо теперь губы мои практически лишены естественного цвета. С этой помадой я могла улыбаться.

На мне были эти перчатки из черного шелка с отрезанными концами, чтобы пальцы сохраняли чувствительность, а чтобы ногти не сверкали в кафе, как хрусталь, я намазала их сажей. Ты поцеловал протянутую мною руку.

В тебе остались прежняя смелость и приверженность внешним приличиям. А потом ты очень тепло улыбнулся, и в этой улыбке, по-моему, было больше от тебя прежнего – ты казался слишком мудрым для столь молодого и крепкого существа. Твоя поистине идеальная внешность привела меня в восхищение.

«Вы не представляете, как я рад, – сказал ты, – что вы пришли и позволили мне сесть к вам за столик».

«Я захотела этого только благодаря тебе», – ответила я, поднимая руки, и заметила, что, несмотря на сажу, сияние моих ногтей слепит тебе глаза.

Я потянулась к тебе, ожидая, что ты вот-вот отпрянешь, но вместо этого ты накрыл темной и теплой ладонью мои холодные белые пальцы.

«Вы воспринимаете меня как живое существо?» – спросила я.

«О да, определенно, – как сияющее и совершенно живое существо».

Мы заказали кофе – ведь этого ожидали от нас смертные, – и, получая от его тепла и аромата больше удовольствия, чем они могут себе представить, даже поболтали ложечками в чашках. Передо мной поставили красный десерт.

Десерт, конечно, по-прежнему стоит на столе. Я заказала его просто потому, что он красный – клубника в сиропе, с резким сладким запахом, который понравился бы пчелам.

Твои лстивые речи вызвали у меня улыбку. Но они мне понравились. Я их игриво передразнила. Я сбросила капюшон и потрянула головой, чтобы мои густые, темные волосы замерцали на свету.

Конечно, смертные не обратят на них такого внимания, как на светлые волосы Мариуса или Лестата. Но я люблю свои волосы, мне нравится, как они окутывают мои плечи, – и мне понравилось то, что я прочла в твоих глазах.

«Где-то глубоко во мне кроется женщина», – сказала я.

Писать все это здесь, в блокноте, оставшись в одиночестве, – значит придать чрезмерное значение вполне тривиальному моменту, и признание в этом кажется мне ужасным.

Дэвид, чем больше я пишу, тем больше меня увлекает концепция повествования, тем больше я убеждаюсь в важности согласованности и последовательности, которые возможны на бумаге, но не в жизни.

Но я ведь даже не предполагала, что вообще решусь прикоснуться к твоей ручке. Мы просто разговаривали.

«Пандора, тот, кто не способен видеть в вас женщину, попросту глупец», – сказал ты.

«Как разозлился бы Мариус, узнав, что мне приятно это слышать, – откликнулась я. – Нет. Он, скорее, использовал бы это как сильный аргумент в свою пользу. Я ушла от него, ушла, не сказав ни слова. Наша последняя встреча произошла задолго до того, как Лестат

устроил свою эскападу и бегал в человеческом теле, задолго до того, как он повстречался с Мемнохом-дьяволом... Я бросила Мариуса, а теперь мне вдруг захотелось, чтобы он был рядом! Захотелось поговорить с ним так, как разговариваю с тобой».

Ты явно беспокоился за меня, и не без причины. Каким-то образом тебе, вероятно, было известно, что вот уже много-много унылых лет ничто не приводило меня в такое сильное возбуждение.

«Не будете ли вы так добры, Пандора, написать для меня историю своей жизни?»

Твоя просьба застала меня врасплох и удивила до глубины души.

«Вот в этих блокнотах, — настаивал ты. — Напишите о тех временах, когда вы были действительно живы, когда встретились с Мариусом; напишите все, что сочтете нужным, о Мариусе. Но больше всего меня интересует ваша история».

Я застыла от удивления.

«Зачем тебе это могло понадобиться?»

Ты не ответил.

«Дэвид, ты, разумеется, не вернулся в этот человеческий орден, в Таламаску? Им слишком много известно...»

Ты поднял руку.

«Нет, и никогда не вернусь. Если у меня и были какие-то сомнения на этот счет, их раз и навсегда развеяли архивы Маарет».

«Она позволила тебе увидеть свои архивы, книги, которые она хранит в течение всего этого времени?»

«Да, это, знаете ли, было удивительно... целый склад табличек, свитков, рукописей — книг и стихов, созданных культурами, о которых, насколько мне известно, мир ничего не знает. Книги, затерянные во времени. Конечно, она запретила мне открывать другим то, что я в них обнаружил, или подробно рассказывать о нашей встрече. Она сказала, что было бы слишком опрометчиво вмешиваться, и подтвердила ваши опасения, что я могу обратиться к Таламаске — к своим старым смертным друзьям-экстрасенсам. Я этого не сделал. И не сделаю. Но эту клятву сдержать очень легко».

«Отчего же?»

«Пандора, увидев эти старые письма, я понял, что больше не человек. Я понял, что лежащая передо мной история человечества больше мне не принадлежит! Отныне я не имею к нему отношения. — Ты обвел глазами комнату. — Конечно, вы, должно быть, тысячу раз слышали эти слова от молодых вампиров. Но поймите, я безоговорочно верил в то, что философия и разум построят мост, по которому я смогу переходить из одного мира в другой. Так вот, никакого моста нет. Он исчез».

Твои молодые глаза засветились печалью, ее источала вся твоя молодая плоть.

«Значит, ты понимаешь, — эти слова вырвались у меня сами собой, против моей воли. Я неслышно и горько усмехнулась и повторила: — Понимаешь».

«Да, понимаю. Я осознал это, когда держал в руках документы, сохранившиеся с ваших времен, много документов эпохи Римской империи и рассыпающиеся на куски камни, принадлежность которых я и не надеюсь установить. Я понял. Они меня не интересуют, Пандора! Меня волнует, кто мы такие, кем мы стали сейчас».

«Замечательно! — воскликнула я. — Ты даже не представляешь, как я тобой восхищаюсь, какой чудесный у тебя характер!»

«Счастлив это слышать, — сказал ты, а потом, склонившись ко мне, пояснил: — Я не хочу сказать, что мы не приносим с собой свои человеческие души, свою историю, — конечно приносим.

Я помню, давным-давно Арман рассказывал мне, как он задал Лестату вопрос: «Как же мне понять человеческую расу?» «Прочти или посмотри все пьесы Шекспира, и ты узнаешь о человеческой расе все, что нужно знать», – ответил ему Лестат.

Арман так и сделал. Он проглотил стихи, посетил спектакли, даже посмотрел великолепные новые фильмы с участием Лоуренса Фишбурна, Кеннета Браны и Леонардо Ди Каприо. И вот что сказал Арман по вопросу своего обучения во время нашего последнего разговора: «Лестат был прав. Он дал мне не книги – он дал мне ключ к пониманию. Этот Шекспир пишет...» И я процитирую здесь и Армана, и Шекспира, прочту его вам так, как мне читал Арман, – как будто это говорит мое сердце:

Мы дни за днями шепчем: «Завтра, завтра».
Так тихими шагами жизнь ползет
К последней недописанной странице.
Оказывается, что все «вчера»
Нам сзади освещали путь к могиле.
Конец, конец, огарок догорел!
Жизнь – только тень, она – актер на сцене.
Сыграл свой час, побегал, пошумел —
И был таков. Жизнь – сказка в пересказе
Глупца. Она полна трескучих слов
И ничего не значит¹.

«Вот что он пишет, – сказал мне Арман, – и все мы понимаем, что это истинная правда, и перед ее лицом рано или поздно падет любое откровение, но мы испытываем потребность любить эти слова, потребность услышать их снова! Потребность запомнить их! Потребность не забывать ни единого слова»».

Мы оба помолчали. Ты опустил глаза и подпер рукой подбородок. Я знала, что на тебе лежит весь груз ответственности за уход Армана на солнце, и мне так понравились стихи и то, как ты их прочел.

Наконец я сказала:

«А я получаю удовольствие. Подумать только, удовольствие! От того, что ты читаешь мне эти стихи».

Ты улыбнулся.

«Я хочу узнать, чему можно научиться. Я хочу узнать, что можно увидеть! И вот я пришел к вам, к Дочери Тысячелетий, к вампиру, испившему крови самой царицы Акаши, к вам, пережившей две тысячи лет! И я прошу вас, Пандора, пожалуйста, напишите мне что-нибудь, напишите свою историю, напишите что хотите».

Я долгое время не давала никакого ответа. Потом решительно заявила, что не могу. Но что-то во мне шевельнулось. Я услышала и увидела споры и речи давно ушедших веков, увидела, как поднятая свеча поэта осветила те эпохи, которые были любимы мною и потому хорошо мне известны. Другие эпохи не были мне знакомы – я странствовала в неведении, как дух.

Да, мне было что написать. Было. Но в тот момент я не могла в этом признаться.

Ты страдал, вспоминая об Армане и о том, как он ушел на утреннее солнце. Ты оплакивал Армана.

«Существовала ли между вами связь? – спросил ты. – Простите мою дерзость, но я имею в виду тот факт, что оба вы получили Темный Дар от Мариуса, и меня интересует,

¹ Перевод Б. Пастернака.

появилась ли между вами связь, когда вы встретились? Я знаю, что о ревности не может быть и речи, это я чувствую. Возникни у меня хотя бы малейшее подозрение, что я причиню вам боль, я не стал бы упоминать даже имени Армана. Но я ничего не ощущаю – тишина. Связи не было?»

«Связь только в скорби. Он ушел на солнце. А скорбь – самая простая и надежная связь».

Ты тихо засмеялся.

«Что мне сделать, чтобы вы обдумали мою просьбу? Сжальтесь надо мной, Прекрасная Дама, верьте мне свою песнь».

Я милостиво улыбнулась, но решила, что это невозможно.

«Слишком уж она нестройная, дорогой мой, – сказала я. – Слишком...»

Я закрыла глаза.

Я хотела сказать, что спеть эту песнь будет слишком больно.

Внезапно ты поднял глаза к потолку. Ты изменился в лице. И, казалось, намеренно старался сделать вид, что вошел в транс. Ты медленно повернул голову. Ты поднял палец, держа ладонь у самого стола, потом твоя рука упала.

«Что такое, Дэвид? – спросила я. – Что ты видишь?»

«Духов, Пандора, призраков».

Ты вздрогнул, словно пытаешься избавиться от них свой разум.

«Неслыханно! – воскликнула я, уверенная тем не менее, что ты говоришь правду. – Темный Дар забирает у нас эту силу. Даже древние ведьмы, Маарет и Мекаре, говорили, что, получив кровь Акаши и став вампирами, они больше не видели и не слышали духов. Ты посетил их недавно. Ты рассказал им об этой способности?»

Ты кивнул. Очевидно, уважение к древнейшим не позволило тебе сказать, что они лишены этого дара. Но я знала, что они не видят духов. Я прочла об этом в твоих мыслях, но узнала еще раньше, когда встретила в древними близнецами, сразившими Царицу Проклятых.

«Я могу видеть духов, Пандора, – сказал ты необычайно взволнованно. – Если постараться, я вижу их повсюду, а иногда, если они того пожелают, в самых неожиданных местах. Лестат же видел призрак Роджера – своей жертвы, о которой шла речь в „Мемнохе-дьяволе“».

«Но то было исключение, вызванное волной любви, затопившей душу того человека и позволившей ему бросить вызов смерти или отсрочить окончательный уход собственной души, – этого нам не понять».

«Я вижу духов, но я пришел сюда не для того, чтобы пугать вас или перекладывать на вас свое бремя».

«Ты должен рассказать мне все в деталях, – попросила я. – Что именно ты только что увидел?»

«Это был слабый дух. Он не причинит никому вреда. Один из тех несчастных смертных, которые не понимают, что умерли. Они витают в атмосфере, окружающей планету. Их называют „земными“ духами. Но, Пандора, помимо этого я обладаю и другими достойными пристального внимания свойствами».

Очевидно, – продолжил ты, – в каждом веке появляется новый вид вампиров, или же, скажем, ход нашего развития с самого начала был определен не яснее, чем у людей. Как-нибудь я, возможно, поведаю вам обо всем, что вижу. Расскажу о духах, невидимых мне, пока я был смертным, расскажу о тайне, доверенной мне Арманом, – о том, что каждый раз, когда он лишал человека жизни, он видел краски – перед его глазами душа покидала тело волнами лучащегося цвета».

«Никогда ни о чем подобном не слышала!»

«Нечто такое вижу и я».

Мне было ясно, что тебе слишком больно говорить об Армане.

«Но почему Арман поверил в легенду о Покрывале? – спросила я и неожиданно удивилась собственной страстности. – Зачем он ушел на солнце? Что именно в том же роде смогло разрушить разум и волю Лестата? Вероника. А они знали, что само ее имя означает *vega ikon*, что такого человека никогда не существовало, что ее невозможно было бы встретить, вернувшись в древний Иерусалим в день, когда Христос нес свой крест? Она не более чем выдумка священнослужителей. Разве они этого не знали?»

Наверное, я в тот момент схватила оба блокнота, так как, опустив взгляд, вдруг обнаружила их в своих руках. Точнее, я прижимала их к груди и внимательно смотрела на одну из ручек.

«Разум, – прошептала я. – О драгоценный разум! И сознание, пребывающее в вакууме. – Я покачала головой и улыбнулась тебе как можно доброжелательнее. – Вампиры, беседующие с духами! Люди, переходящие из тела в тело!»

Вошедший в моду и быстро распространяющийся в нынешнее время культ ангелов, поклонение которому расцветает повсюду, – продолжала я с доселе незнакомой мне самой энергией. – Люди поднимаются с операционных столов, чтобы рассказать о жизни после смерти, о туннеле, о всепоглощающей любви! О, тебя создали в благоприятное время! Не знаю, что и подумать!»

Мои слова, а точнее, то, как они буквально вырывались из меня, явно произвели на тебя впечатление. На меня тоже.

«Я только начал, – сказал ты, – и собираюсь в равной степени общаться с блистательными Детями Тысячелетий и с уличными предсказателями судьбы, раскладывающими карты Таро. Я стремлюсь заглянуть в хрустальные шары и темные зеркала. Я буду искать среди тех, кем пренебрегают остальные, считая их безумцами, или среди нас – среди тех, кто, подобно вам, не считает возможным поделиться с другими всем, что довелось увидеть! Дело ведь именно в этом – не правда ли? Но я прошу вас поделиться этим со мной. Я покончил с заурадной человеческой душой, я покончил с наукой и психологией, с микроскопами и, возможно, даже с нацеленными на звезды телескопами».

Ты меня заворожил. Ты говорил так убежденно. При взгляде на тебя лицо у меня вспыхнуло от нахлынувших чувств. Кажется, я даже раскрыла рот от удивления.

«Я сам себе кажусь чудом, – сказал ты. – Я бессмертен и хочу узнать о нас как можно больше! Вам есть что рассказать – ведь вы из числа древнейших и душа ваша сломлена. Я питаю к вам любовь, и вы дороги мне такая, какая вы есть, ничего большего мне не нужно».

«Ты говоришь странные вещи!»

«Любовь. – Ты пожал плечами и выразительно посмотрел на меня. – Миллионы лет шел бесконечный дождь, кипели вулканы, остывали океаны, а потом появилась любовь?»

Ты вновь пожал плечами в знак того, что посмеиваешься над этим абсурдом.

Я не могла не рассмеяться в ответ на твой жест. Слишком хорошо, подумала я. Но вдруг почувствовала себя совершенно растерянной.

«Это очень неожиданно, – сказала я. – Потому что если у меня и есть история, совсем маленькая история...»

«И что же?»

«Так вот, моя история – если она вообще есть – как раз подходит к ситуации. Она связана с тем, о чем ты говоришь. – Неожиданно на меня что-то нашло. Я опять тихо рассмеялась и продолжила: – Я тебя понимаю! Нет, не в том, что касается видения духов, – это отдельная и большая тема для разговора. Но я сознаю, в чем источник твоей силы. Ты прожил целую человеческую жизнь. В отличие от Мариуса, в отличие от меня тебя взяли не в период расцвета. Ты был захвачен почти в момент естественной смерти, и тебя не интере-

суют земные приключения и недостатки. Ты вознамерился пробиваться вперед с мужеством того, кто умер от старости и восстал из мертвых. Ты отбросил похоронные венки. И готов взобраться на Олимп – не так ли?»

«Или встретиться с Озирисом в глубинах мрака, – откликнулся ты. – Или с тенями Гадеса. Конечно, я готов встретиться с духами, с вампирами, с теми, кто видит будущее или утверждает, что помнит прошлую жизнь, с вами, обладающей потрясающим интеллектом, заключенным в прекрасную оболочку. Интеллектом, позволившим вам продержаться столько лет и едва не разрушившим ваше сердце».

Я охнула.

«Простите. Это было невежливо с моей стороны», – сказал ты.

«Нет, объяснись».

«Вы всегда забираете у жертв сердце, не так ли? Вам не хватает сердца».

«Может быть. Не жди от меня мудрости, как от Мариуса или древних близнецов».

«Вы меня очень привлекаете», – сказал ты.

«Почему?»

«Потому что за вашим безмолвием и страданием скрывается история; она вполне сформировалась и теперь живет и ждет, пока ее запишут».

«Ты чересчур романтичен, дружок», – заметила я.

Ты терпеливо ждал. Наверное, ты почувствовал охватившее меня смятение, дрожь моей души перед лицом стольких неизведанных эмоций.

«История совсем короткая», – сказала я.

И перед моим мысленным взором замелькали образы, воспоминания, мгновения – все то, что побуждает души действовать и созидать. Я ощутила слабую-слабую надежду на веру.

Думаю, ты уже знал ответ. В то время как сама я еще даже не предполагала, каким он будет.

Ты сдержанно улыбнулся, но не терял энтузиазма и продолжал ждать.

Глядя на тебя, я представила себе, как попробую написать... изложить все на бумаге...

«Вы хотите, чтобы я ушел, не так ли?» – спросил ты.

Ты встал, поднял свое пальто с еще не высохшими на нем пятнышками дождя и грациозно склонился, чтобы поцеловать мне руку.

«Нет, – сказала я, прижимая к себе блокноты. – Я не могу».

Ты не спешил с выводами.

«Возвращайся через две ночи, – продолжала я. – Обещаю, я верну блокноты, даже если они будут пустыми, даже если я всего лишь объясню на бумаге, почему мне не удастся восстановить свою потерянную жизнь. Я тебя не подведу. Но не жди ничего, кроме того, что я передам эти блокноты в твои руки».

«Две ночи, – сказал ты, – и мы встретимся снова».

Я молча следила, как ты выходишь из кафе. А теперь, как видишь, я начинаю, Дэвид. И прологом к повествованию, о котором ты просил, я сделала рассказ о нашей встрече.

Глава 2

ИСТОРИЯ ПАНДОРЫ

Я родилась в Риме, в эпоху правления Августа Цезаря, в год, называемый в вашем летосчислении пятнадцатым годом до нашей эры, или же до Рождества Христова.

Все упоминаемые здесь события и имена реальны, я их не фальсифицировала, ничего не сочиняла, не выдумывала фальшивых политических решений. Все связано с моей судьбой и судьбой Мариуса. Я не пишу ничего лишнего из любви к прошлому.

Я не упоминаю здесь имени своей семьи – у нее своя история, и я не могу позволить себе связать с этой повестью ее репутацию, деяния и эпитафии. Мариус, доверяя свою историю Лестату, также не назвал полное имя своей римской семьи. Я с уважением отношусь к такому решению и следую его примеру.

Вот уже более десяти лет Август – император Рима, и для образованной римлянки наступили чудесные времена женщины обладали колоссальной свободой. В отцы мне достался богатый сенатор, у меня было пять удачливых братьев, я выросла без матери, взлелеянная целыми армиями греческих учителей и нянек, ни в чем мне не отказывавших.

Да, Дэвид, если бы я действительно захотела заставить тебя потрудиться, я бы писала все это на классической латыни. Но я не буду. Должна сказать, что мои познания в английском языке бессистемны, и уж конечно, я изучала его не по пьесам Шекспира.

Странствуя и читая, я заставляла английский язык на разных стадиях его развития, но основное наше с ним знакомство состоялось в этом веке, так что я выполняю твою просьбу на разговорном английском.

Для этого существует еще одна причина – уверена, ты поймешь, что я имею в виду, если прочел «Сатирикон» Петрония или сатиры Ювенала в современном переводе. Самый современный английский язык представляет собой подлинный эквивалент латыни моей эпохи.

Официальные документы Римской империи не дают достаточного представления об этом. Однако надписи, нацарапанные на стенах Помпеи, говорят сами за себя. Наш язык был весьма изысканным, мы пользовались множеством весьма удобных словесных сокращений и устоявшихся выражений.

Вот почему я буду писать по-английски, это кажется мне в данном случае уместным и естественным.

Позволь мне вкратце отметить – пока действие приостановлено, – что я никогда не была, как выразился Мариус, греческой куртизанкой. Я действительно жила, притворяясь таковой, в то время, когда получила от Мариуса Темный Дар, и, возможно, он так описал меня из уважения к старым смертным тайнам. Или, может быть, он присвоил мне этот титул из высокомерия – не знаю.

Но Мариус прекрасно знал мою римскую семью; знал, что это семейство сенатора, не менее аристократичное и привилегированное, чем его смертный род, что мои родственники, как и смертные родичи Мариуса, вели свою историю со времен Ромула и Рема. Мариус не устоял отнюдь не потому, что у меня были «красивые руки», как он сообщил Лестату. Наверное, это было намеренное упрощение.

Я не держу на них зла – ни на Мариуса, ни на Лестата. Я не знаю, кто из них и что неправильно понял.

Мои чувства к отцу сильны и по сию ночь. Сидя в кафе, Дэвид, я поражаюсь мощи письменной речи – меня несказанно удивляет, что написанные на бумаге слова способны так живо вызывать в памяти любящее лицо отца.

Моему отцу суждено было встретить ужасный конец. Он не заслуживал того, что с ним произошло. Но некоторые представители нашего рода выжили и в более позднюю эпоху восстановили доброе имя и славу семьи.

Мой отец был богат, принадлежал к числу миллионеров тех времен и делал обширные вложения капитала. Он был солдатом чаще, чем от него требовалось, сенатором и по складу своему человеком вдумчивым и спокойным. После ужасов гражданской войны он стал горячим сторонником Августа Цезаря и пользовался милостью императора.

Конечно, он мечтал о возвращении Римской республики; все мы об этом мечтали. Но Август принес в Империю мир и единство.

В молодости я часто встречала Августа, причем всегда на многочисленных общественных собраниях и без каких-либо последствий. Он походил на свои портреты: худощавый мужчина с длинным тонким носом, короткими волосами и заурядным лицом; по натуре своей он отличался рациональностью и прагматичностью, чрезмерная жестокость ему свойственна не была, равно как и личное тщеславие.

Бедняге повезло, что он не мог предвидеть будущее, – ничто не предвещало ужасов и безумия, начавшихся с приходом к власти Тиберия, его наследника, и продолжавшихся многие годы в ходе правления других членов его семьи.

Только позднее я поняла, в чем заключалась уникальность длительного правления Августа и его достижений.

Возможно, в сорока четырех годах мира во всех городах Империи?

Увы, родиться в те годы означало родиться в эпоху созидания и процветания, когда Рим был *caput mundi* – столицей мира. И, вспоминая о прошлом, я осознаю, что за могущественное сочетание – обладать традициями и располагать огромными суммами денег, иметь старые ценности и новую власть.

Наша семья придерживалась достаточно скромного, строгого, даже несколько скучноватого образа жизни. Но при этом нас окружала роскошь. С годами мой отец становился все более спокойным и консервативным. Он любил общество внуков, родившихся еще в то время, когда он был полон энергии и вел активную жизнь.

Хотя он принимал участие в основном в северных кампаниях, он некоторое время квартировал и в Сирии. Он учился в Афинах. В награду за долгую и безупречную службу ему позволили рано выйти в отставку – именно в те годы я и выросла – и устранился от общественной жизни, бурлящей вокруг дворца императора, хотя тогда я этого не осознавала.

Пятеро моих братьев появились на свет раньше меня. Поэтому при моем рождении не было «ритуального римского траура», какой, по рассказам, объявлялся в римских семьях, где на свет появлялись девочки. Ничего подобного.

Пять раз мой отец, согласно своей прерогативе, выходил в атрий – главный закрытый двор, или перистиль, нашего дома с колоннами, лестницами, величественными мраморными статуями; пять раз он выходил к собравшейся семье, держа на руках новорожденного сына, и после тщательного осмотра объявлял его безупречным и достойным быть возвращенным в качестве его отпрыска. С этого момента он властвовал над жизнью и смертью своих сыновей.

Если бы моему отцу по какой-то причине не нужны были эти мальчики, он «выставил» бы их умирать от голода. Закон запрещал воровать таких детей и делать из них рабов.

Так как отец имел уже пятерых мальчиков, все ждали, что он немедленно избавится от меня. Кому нужна девочка? Но мой отец никогда не «выставлял» и не отвергал детей моей матери.

Мне говорили, что, когда я появилась на свет, отец кричал от радости: «Хвала богам! Милая малютка!»

Об этой истории я *ad nauseam* наслушалась от моих братьев, которые всякий раз, когда я работала на публику – совершала какой-нибудь непристойный, отчаянный, дикий поступок, – насмешливо произносили: «Хвала богам, милая малютка!» Это превратилось в очаровательную шутку и часто помогало обуздывать мой нрав.

Мать умерла, когда мне было два года, я помню только ее нежность и доброту. Она потеряла столько же детей, сколько и родила, поэтому ранняя смерть никого не удивила. Отец написал ей прекрасную эпитафию, и, сколько я себя помню, в доме почиталась ее память. Отец мой так и не взял в дом другую женщину. Он спал с несколькими рабынями, но в этом не было ничего необычного. Братья делали то же самое. В римских семействах это считалось в порядке вещей. Отец не заставил меня подчиняться женщине из другой семьи.

Я не горевала по матери просто потому, что была слишком мала, а если и плакала, не дождавшись ее возвращения, то я этого не помню.

Однако я помню, как бегала по большому старому римскому дворцу, стоявшему высоко на склоне Палатинского холма. Множество прямоугольных комнат составляли единый прямоугольник дворца, окруженного огромным садом. Все комнаты окнами выходили в сад, стены их покрывали богатые росписи, а полы были мраморными.

Отец считал меня настоящим сокровищем. Я помню, как великолепно проводила время, наблюдая за тренировками братьев, осваивающих искусство владения короткими широкими мечами, и слушая указания их наставников, а потом и сама получила прекрасных учителей, благодаря которым сумела прочесть «Энеиду» Вергилия, когда мне не исполнилось еще и пяти лет.

Я любила слова. Я любила напевать их и произносить вслух, и даже сейчас, должна признаться, мне доставляет удовольствие писать их на бумаге. Несколькоми ночами раньше я бы не сказала ничего подобного. Должна признаться тебе, Дэвид, ты сумел что-то вернуть мне. Мне не следует, однако, писать слишком быстро, чтобы не привлекать к себе внимание смертных посетителей кафе.

Ну, продолжим.

Мои декламации Вергилия в столь раннем возрасте вызывали у отца буквально истерический хохот, и ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем показывать меня на банкетах своим консервативным и несколько старомодным друзьям из сената, а иногда и самому Августу Цезарю. Август Цезарь был приятным человеком. Однако мне кажется, что отец не слишком хотел видеть его в своем доме, хотя, как полагаю, время от времени вынужден был потчевать императора.

Я вбегала в зал вместе с няней, давала потрясающее сольное выступление и уносила туда, откуда не могла видеть, как гордые сенаторы обжираются павлиньими мозгами и гарумом. Тебе, разумеется, известно, что такое гарум. Это отвратительный соус, который римляне добавляли во все блюда, подобно тому как сегодня добавляют кетчуп. Он определенно лишал всякого смысла присутствие на тарелках угрей, страусиных мозгов, не успевшего родиться барашка и всех прочих изысканных деликатесов, кои в изобилии подавались к столу на огромных блюдах.

Дело в том, что, как ты знаешь, римляне как никто были подвержены непомерному обжорству, и банкеты неминуемо завершались позором. Гости выходили в вомиторий, чтобы избавиться от первых пяти блюд трапезы и таким образом получить возможность проглотить все остальное. А я лежала в кровати наверху и хихикала, слушая звуки хохота и рвоты. Далее следовало изнасилование всех рабов, прислуживавших за столом, будь то юноши, девушки или же те и другие вместе.

Семейные трапезы были событиями совершенно иного рода. За ними мы вели себя как старые римляне. Все садились за стол; хозяином дома бесспорно являлся мой отец, и он не терпел никакой критики в адрес Августа Цезаря, который, как тебе известно, будучи племянником Юлия Цезаря, по закону правящим императором не являлся.

«Когда придет время, он уйдет в отставку, – говаривал мой отец. – Он понимает, что сейчас еще рано. Он не столько амбициозен, сколько утомлен и мудр. Кому нужна новая гражданская война?»

Для человека с положением времена были слишком хороши, чтобы бунтовать.

Август сохранил мир. Он питал глубокое уважение к римскому сенату. Он перестроил старые храмы, так как считал, что людям необходимо благочестие, к которому они привыкли в годы Республики.

Император раздавал беднякам бесплатную кукурузу из Египта. В Риме никто не голодал. Он сохранил головокружительное количество старых праздников, игр и зрелищ – их было столько, что нас уже тошнило. Но, как добропорядочные римляне, мы зачастую вынуждены были на них присутствовать.

Конечно, на арене происходили очень жестокие зрелища. Были и жестокие казни. С рабами обращались безжалостно.

Но сегодня никто не понимает, что в душе даже самого нищего бедняка эта жестокость сосуществовала с чувством личной свободы.

Суды не принимали поспешных решений. Они искали советов у законов прошлого. Они следовали логике и кодексам чести. Люди имели возможность вполне открыто выражать свои взгляды.

Я подробно останавливаюсь на этом, так как именно здесь лежит ключ к моей истории: мы с Мариусом родились в то время, когда римский закон, как выразился бы Мариус, основывался не на божественных откровениях, но на логике и разуме.

Мы совсем не такие, как те, кого забрали во Тьму в странах Магии и Тайны.

При жизни мы доверяли не только Августу, но и римскому сенату. Мы верили в общественную добродетель; мы придерживались того образа жизни, где не было места ритуалам, молитвам, колдовству, их влияние было разве что поверхностным. Добродетель, запечатленная в характере, – вот наследие Римской республики, доставшееся как Мариусу, так и мне.

Конечно, в нашем доме было полно рабов. Блистательные греки и ворчащие работники, армия женщин, суетливо полирующих бюсты и вазы. Город был битком набит освобожденными рабами – вольными людьми, – кое-кто из которых обладал внушительным богатством.

К нашим рабам мы относились как к близким людям.

Когда умирал мой старый учитель-грек, мы с отцом не ложились всю ночь. Мы держали его за руки, пока не остыло тело. В наших римских владениях никого не порол, если только отец лично не отдавал приказ о наказании. Деревенские рабы бездельничали под фруктовыми деревьями. Наши управляющие были богаты и не стеснялись демонстрировать свое благосостояние нарядными одеждами.

Я помню времена, когда в саду появилось так много старых рабов-греков, что я целыми днями слушала их споры. Больше им нечем было заняться. Я многому от них научилась.

Я росла не просто счастливой, а очень счастливой. Если ты считаешь, что я преувеличиваю степень своего образования, обратись к письмам Плиния или к другим мемуарам или переписке той эпохи. Высокородные девушки получали прекрасное образование; римлянки моего времени могли гулять свободно, не опасаясь посягательств со стороны сильного пола. Мы брали от жизни столько же, сколько мужчины.

Мне едва исполнилось восемь лет, когда меня вместе с несколькими женами моих братьев впервые повели на арену, чтобы насладиться сомнительным удовольствием от лицемерия мечущихся, обезумевших экзотических животных, например жирафов, прежде чем

в них всадят множество стрел; следом на арену выходила небольшая группа гладиаторов, чтобы насмерть сразиться с другими гладиаторами, а после этого выводили преступников и скармливали их львам.

Дэвид, я и сейчас слышу рев этих львов. Словно ничто не отделяет меня от того мгновения, когда я сидела на деревянной скамье – наверное, во втором ряду, ибо эти места считались лучшими – и смотрела, как звери пожирают людей заживо. Мне полагалось испытывать удовольствие, дабы продемонстрировать силу духа, бесстрашие перед лицом смерти, а не при виде предельно жестокого зрелища.

Публика кричала и смеялась над разбежавшимися от зверей мужчинами и женщинами. Некоторые жертвы отказывались доставить толпе это удовольствие. Они просто не двигались, когда на них нападали голодные львы; те, кого пожирали заживо, почти неизменно лежали в ступоре, как будто их души уже поднялись в воздух, хотя лев еще не добрался до горла.

Я помню тот запах. Но еще я помню шум толпы. Я прошла испытание характера, я досмотрела все до конца. Я наблюдала, как гладиатор-чемпион встречает свой конец, лежа в крови на песке, когда меч входит в его грудь. Однако я отчетливо помню, как отец едва слышно пробормотал, что это отвратительно. Должна сказать, что того же мнения придерживались все, кого я знала. Мой отец, как и остальные, считал, что кровопролитие необходимо простолудинам. Мы же, высокородные, должны восседать там ради народа. В этой удивительной порочности было что-то религиозное.

Организация этих безобразных зрелищ считалась чем-то вроде общественного долга.

Жизнь римлян в основном протекала вне дома – нужно было принимать участие в публичных мероприятиях, посещать церемонии и зрелища, быть на виду, проявлять интерес к происходящему, встречаться с людьми.

Мы сталкивались с другими благородными гражданами и низким сословием, вливались в общую массу, чтобы присутствовать на триумфальном шествии, на жертвоприношении у алтаря Августа, на играх, на гонках колесниц.

Сейчас, в двадцатом веке, следя за бесконечными интригами и резней в художественных фильмах и по телевизору, я думаю: может быть, людям действительно необходимы убийства, бойни, смерть в различных видах? Иногда телевидение кажется мне непрерывной цепью гладиаторских боев и кровопролитий. А чего стоят видеозаписи настоящих сражений!

Военные репортажи превратилась в искусство и развлечение.

Диктор что-то тихо говорит, а в это время объектив камеры скользит по грудам трупов, по детям-скелетам, всхлипывающим рядом с голодающими матерями. Но это захватывает. Можно сколько угодно качать головой и при этом буквально купаться в смертях. Ночи напролет телевидение демонстрирует старые пленки, запечатлевшие людей, умирающих с оружием в руках.

Думаю, мы смотрим на это из страха. Но в Риме на это приходилось смотреть из необходимости закалять дух, что относилось как к мужчинам, так и к женщинам.

Но я говорю о том, что меня не запирали в доме, как гречанку в эллинском семействе. Я не страдала от необходимости соблюдать прежние обычаи Римской республики.

Я живо вспоминаю совершенную красоту того времени и идущие от самого сердца отцовские признания в том, что Август – это бог и что Рим никогда еще так не приятствовал своим богам.

Теперь я хочу привести здесь одно очень важное воспоминание. Но прежде обрисую сцену действия. Для начала обсудим вопрос Вергилия и поэмы, написанной им, – «Энеиды», воспевающей приключения героя Энея и превозносящей этого троянца, избежавшего ужасов падения Трои. Этот эллинский город и его население уничтожили греки, неожиданно возникшие из знаменитого троянского коня. Очаровательная история. Я всегда ее любила.

Эней покидает погибающую Трою и совершает доблестное путешествие в прекрасную Италию, где встречается с нашим народом.

Но дело в том, что Август любил Вергилия и покровительствовал ему на протяжении всей жизни. Вергилий был уважаемым поэтом – поэтом, которого подобало цитировать, поэтом-патриотом, получившим высшее одобрение. Вергилия полагалось любить всем.

Великий поэт умер до моего рождения. Но к десяти годам я прочла все, что он написал, а также сочинения Горация, Лукреция, многое из Цицерона и все греческие рукописи, что были в доме, а их нашлось немало.

Отец составлял библиотеку не напоказ. Члены семьи проводили в ней долгие часы. Здесь же отец писал письма – он составлял послания от имени сената, императора, судов, друзей и так далее.

Однако вернемся к Вергилию. Я читала сочинения и другого римского поэта, тогда еще живого, который впал в глубочайшую немилость у божественного Августа. Речь идет об Овидии, авторе «Метаморфоз» и десятков других стихотворений и поэм – земных, веселых и непристойных. Август рассердился на Овидия, которого прежде любил, и сослал его в какое-то ужасное место на Черном море. В то время я была еще совсем мала и о событиях, тогда происходивших, ничего не помню. Может быть, место ссылки поэта и не было таким уж гибельным. Но культурным римским гражданам столь удаленный от столицы и населенный варварами район представлялся в ужасном свете.

Овидий прожил там довольно долго, в Риме его книги запретили. В магазинах или общественных библиотеках их было не найти, равно как и на книжных прилавках на рынке.

В то время читать было модно, книги продавались повсюду – как свитки и как кодексы, то есть в переплетах, и многие книготорговцы держали в своем доме греческих рабов, целыми днями переписывавших книги.

Я продолжаю. Овидий впал в немилость у Августа, и его поэзию запретили, но такие люди, как мой отец, не собирались сжигать свои экземпляры «Метаморфоз» или прочие сочинения Овидия. Только страх не позволял им просить о помиловании Овидия.

Скандал имел какое-то отношение к дочери Августа Юлии, по любым стандартам известной шлюхе. Какая связь существовала между Овидием и любовными делишками Юлии, я не знаю. Возможно, его ранние стихи «Наука любви» сочли дурным влиянием. К тому же в воздухе носился ветер реформаторства, шли разговоры о старых ценностях.

Не думаю, что кому-либо достоверно известно, что на самом деле произошло между Августом и Овидием, но поэта навсегда изгнали из Римской империи.

К моменту происшествия, о котором хочу рассказать, я уже прочла и «Метаморфозы», и «Науку любви» – обе книги, должна отметить, были изрядно потрепанными. Многие друзья моего отца постоянно тревожились о судьбе Овидия.

Теперь вернемся к конкретному воспоминанию. Мне было десять лет. Вернувшись домой после игр, с головы до ног в пыли, с распущенными волосами и в порванном платье, я влетела в просторный приемный зал и плюхнулась на пол у дивана, чтобы послушать разговоры взрослых. Отец, с подобающим случаю римским достоинством, непринужденно развалился на диване и болтал с несколькими зашедшими с визитом мужчинами, которые в столь же свободных позах расположились рядом с ним.

Всех этих людей я знала, кроме одного, голубоглазого блондина, очень высокого, и в ходе беседы – сплошные шептания и кивки – он повернулся и подмигнул мне.

Это был Мариус – слегка загорелый после своих путешествий, с потрясающей красоты сверкающими глазами. У него, как и у всех остальных, было три имени. Они мне известны, но я не намерена их разглашать. Я знала, что в интеллектуальном смысле он «плохо себя вел», что он «поэт» и «бездельник». Но никто не говорил мне, что он настолько красив.

Заметьте, в тот день Мариус был еще жив, вампиром его сделали только лет пятнадцать спустя. По моим подсчетам, тогда ему было всего двадцать пять. Но я не уверена.

Но я продолжаю свой рассказ. Мужчины не обращали на меня внимания, и моему ненасытному любопытному умишку вскоре стало ясно, что отец получил новости об Овидии, что высокий блондин с удивительными голубыми глазами, только что вернулся с берегов Балтики и привез в подарок отцу несколько хорошо выполненных копий сочинений Овидия, как старых, так и новых. Мужчины уверили моего отца, что отправляться к Цезарю Августу и просить за Овидия еще слишком опасно, и отец с этим смирился. Но, если я не ошибаюсь, он вручил блондину – Мариусу – деньги для передачи Овидию.

Когда благородные гости собрались уходить, в атрии я увидела Мариуса в полный рост – весьма необычный для римлянина, – совсем по-девуночьи вскрикнула и разразилась смехом. Он подмигнул мне еще раз.

В то время Мариус коротко стриг волосы – так, как это принято было у римских воинов, – оставляя лишь несколько скромных завитков на лбу. Позже, к моменту, когда его превратили в вампира, волосы успели отрасти – они и сейчас длинные, но при нашей первой встрече у него была типичная скучная военная стрижка. Тем не менее солнечный свет красиво играл в его светлых волосах, и мне показалось, что мужчины более яркого и привлекательного, чем он, я еще не встречала. Он смотрел на меня в высшей степени доброжелательно.

«Почему ты такой высокий?» – спросила я.

Мой отец, конечно, считал мое поведение весьма забавным, а что подумают остальные о висящей у него на руках запыленной дочке, осмелившейся заговорить с почтенными гостями, ему было все равно.

«Сокровище мое, – обратился ко мне Мариус, – я высок, потому что я – варвар!»

Он засмеялся – несколько игриво и в то же время с почтением, как будто перед ним была маленькая дама. Ко мне редко кто так относился.

Неожиданно он растопырил руки и побежал на меня, как медведь. Я мгновенно в него влюбилась!

«Нет, правда! – сказала я. – Ты точно не варвар. Я знаю твоего отца и всех твоих сестер. Они живут ниже на холме. Твоя семья все время разговаривает о тебе за столом, конечно они говорят только хорошее».

«В этом я не сомневаюсь», – ответил он, разражаясь хохотом.

Я видела, что отец начинает нервничать. Только я тогда еще не знала, что десятилетняя девочка может обручиться.

Мариус выпрямился и сказал своим ласковым, очень красивым голосом, искушенным как в публичных выступлениях, так и в речах любви:

«Маленькая красавица, маленькая муза, по матери я веду свое происхождение от кельтов. Мои предки – высокий светловолосый народ, народ Галлии. Говорят, моя мать была у них принцессой. Ты знаешь, кто такие галлы?»

Я ответила, что, конечно же, знаю, и начала пересказывать вступление из записок Юлия Цезаря о завоевании Галлии, страны кельтов:

«Вся Галлия состоит из трех частей... – Мариус был искренне потрясен. Все остальные тоже. Ободренная, я продолжала: – Кельтов отделяет от Аквитании река Гаронна, а от племени белгов – реки Марна и Сена...»

Мой отец, на этот раз несколько смутившись, поскольку его дочь купалась в лучах славы, повысил голос, чтобы уверить всех и каждого, что я радость очей его, что мне позволено делать все, что хочется, и, пожалуйста, не стоит обращать внимание...

Я же, будучи от природы нахальной и любительницей устроить неприятности, сказала:

«Передайте от меня привет великому Овидию! Потому что я тоже хочу, чтобы он вернулся домой».

И выпалила несколько пылких строк из «Науки любви»:

А поцелуй? Возможно ли их не вмешивать в просьбы?
Пусть не дается – а ты и с недающей бери.
Ежели будет бороться и ежели скажет: «Негодный!» —
Знай: не своей, а твоей хочет победы в борьбе.

Все, кроме моего отца, расхохотались, а Мариус обезумел от восторга и захлопал в ладоши. Другого поощрения мне и не требовалось, теперь уже я помчалась на него, как медведь, продолжая распевать пламенные стихи Овидия:

Только старайся о том, чтоб не ранить нежные губы,
Чтобы на грубость твою дева пенять не могла.
Кто, сорвав поцелуй, не сорвал и всего остального,
Истинно молвлю, тому и поцелуй не впрок².

Отец схватил меня за предплечье и приказал: «Все, Лидия, хватит!»

А мужчины смеялись все громче, сочувствуя ему, обнимая его и снова смеясь.

Но я не могла не одержать последнюю победу над взрослой компанией.

«Прошу тебя, отец, – сказала я, – дозвожь мне закончить мудрыми и патриотичными словами Овидия: „Я поздравляю себя с тем, что появился на свет лишь в наше время, не раньше. Эта эпоха мне по вкусу“».

Это не столько позабавило Мариуса, сколько изумило. Но отец подтянул меня к себе и очень четко произнес:

«Лидия! Сейчас Овидий такого не сказал бы, а ты, будучи такой... ученой и одновременно таким философом, не могла бы ты уверить дражайших друзей твоего отца в том, что ты прекрасно знаешь: Август по веским причинам выслал Овидия из Рима, и он никогда не сможет вернуться домой».

Другими словами, это означало: «Помолчи, достаточно об Овидии».

Но Мариус опустил передо мной на колени, стройный, красивый, с гипнотическими голубыми глазами, поцеловал мне руку и сказал:

«Я передам Овидию твой привет, маленькая Лидия. Но твой отец прав. Всем нам следует соглашаться с цензурой императора. В конце концов, мы же римляне. – А потом он повел себя весьма странно – заговорил со мной как со взрослой: – Август Цезарь, я полагаю, дал Риму намного больше, чем можно было надеяться. И он тоже поэт. Он написал поэму „Аякс“ и сам ее сжег, заявив, что она недостаточно хороша».

Лучший день в моей жизни! Я бы согласилась тотчас сбежать с Мариусом!

Но мне оставалось только танцевать вокруг него, провожая по вестибюлю до ворот. Я помахала ему рукой.

Он задержался.

«До свидания, маленькая Лидия», – чуть задержавшись, сказал он и о чем-то тихо заговорил с моим отцом.

Я услышала лишь слова отца: «Да вы не в своем уме!»

Он повернулся спиной к Мариусу, а тот грустно мне улыбнулся и исчез.

«О чем он говорил? Что случилось? – спросила я отца. – В чем дело?»

² Перевод М. Гаспарова.

«Послушай, Лидия, в твоих книгах тебе когда-нибудь встречалось слово „обручиться“?»

«Да, отец, конечно».

«Так вот, этим бродягам и мечтателям ничто так не нравится, как обручиться с маленькой десятилетней девочкой, потому что она еще не доросла до свадьбы и он получит несколько лет свободы от императорской цензуры. Такое случается сплошь и рядом».

«Нет, нет, отец! – возразила я. – Я его никогда не забуду».

Думаю, я забыла его на следующий же день. Целых пять лет я не видела Мариуса. Я помню это точно, потому что мне исполнилось пятнадцать, пора было выходить замуж, а мне замуж совсем не хотелось. Я год за годом выкручивалась, симулируя болезни, безумие, не поддающиеся контролю припадки. Но время мое истекало. Фактически я имела право выходить замуж с двенадцати лет.

На этот раз все мы стояли у подножия Палатинского холма и наблюдали за ходом самой священной церемонии – Луперкалий – одного из многочисленных праздников, неотделимых от жизни римлян.

Луперкалии для нас имели очень большое значение, хотя их важность никоим образом не связана с христианской концепцией религии. Принимать участие в этом празднике в качестве гражданина и добродетельного римлянина считалось благочестием. Кроме того, это было очень приятно. Так что я стояла недалеко от пещеры Луперкал и с другими молодыми женщинами смотрела, как двух избранных в том году мужчин намазывают кровью, оставшейся от жертвоприношений коз, и облачают в окровавленные шкуры убитых животных. Мне было не очень хорошо видно, но я уже много раз наблюдала за церемонией, а несколько лет назад, когда праздником распоряжались мои братья, я сумела протолкнуться вперед, чтобы ничего не упустить.

В этом случае мне открывался вполне приличный обзор; каждый из двух молодых людей собрал себе компанию и принялся бегать у подножия холма. Я, как предписывалось, вышла вперед. Молодые люди легко ударяли по руке каждую молодую женщину полоской козлиной шкуры – предполагалось, что нас таким образом очищают и даруют нам плодovitость.

Я сделала шаг вперед и получила церемониальный удар, после которого отступила на шаг назад, жалея, что я не мужчина и не могу бегать вокруг холма вместе с остальными. Подобные мысли часто посещали меня в течение всей моей смертной жизни.

У меня в голове вертелись весьма скептические и саркастические мысли относительно «очищения», но в этом возрасте я уже умела прилично вести себя в обществе и ни в коем случае не подвергла бы унижению ни отца, ни братьев.

Эти полоски козлиной шкуры, как тебе известно, Дэвид, называются фебруа, и «февраль» происходит от этого слова. Ну, хватит о языке и о волшебстве, которое он невольно приносит с собой. Конечно, Луперкалии имели какое-то отношение к Ромулу и Рему; возможно, в них даже слышался отзвук человеческих жертвоприношений древности. Ведь головы молодых людей были испачканы козлиной кровью. У меня мурашки бегут по коже, так как эта же церемония у этрусков, задолго до моего рождения, могла быть куда более жестокой.

Может быть, тогда Мариус и увидел мои руки. Потому что я подставляла их под церемониальный хлыст, и мне, как ты понял, нравилось привлекать к себе внимание, смеясь вместе с другими вслед убегающим мужчинам.

В толпе я заметила Мариуса. Он посмотрел на меня, потом вернулся к книге. Как странно. Я увидела, что он стоит, прислонившись к дереву, и пишет. Никто никогда не стоял у дерева с книгой в одной руке и с пером в другой. Рядом с ним застыл раб с бутылочкой чернил.

У Мариуса теперь были длинные, удивительно красивые волосы. Настоящий дикарь. «Смотри, вон наш друг Мариус, высокий варвар, он пишет», – сказала я отцу.

«Мариус всегда пишет, – с улыбкой ответил он. – Мариус только для этого и годится. Повернись, Лидия. Стой спокойно».

«Но он смотрел на меня, отец. Я хочу с ним поговорить».

«Ты не сделаешь этого, Лидия! Ты не удостоишь его ни единой улыбкой».

По дороге домой я принялась расспрашивать отца: «Если ты собираешься выдать меня замуж, если избежать этого омерзительного исхода я смогу только путем самоубийства, почему ты не выдашь меня за Мариуса? Я не понимаю. Я богата. Он богат. Я знаю, его мать была дикаркой, кельтской принцессой, но отец его принял».

«Откуда тебе все это известно?» – сухо поинтересовался отец.

Он остановился на полпути, что всегда было дурным знаком. Толпа расступилась и забурлила.

«Ну, не знаю; все говорят об этом. – Я обернулась. Там все еще ждал, не сводя с меня взгляда, Мариус. – Отец, пожалуйста, позволь мне с ним поговорить!»

Отец опустился на колени. Большая часть толпы уже разошлась.

«Лидия, я понимаю, что для тебя это ужасно. Я уступал каждому возражению, что ты высказывала против соискателей. Но поверь мне, сам император не одобрит твой брак с таким сумасшедшим бродячим историком, как Мариус! Он никогда не служил в армии, он не может войти в сенат – это просто невозможно. Придет время, и ты выйдешь замуж за подходящего человека».

Когда мы уходили, я снова обернулась, желая лишь одного – отыскать взглядом Мариуса, но, к моему удивлению, он застыл на месте и смотрел на меня. Со своими развевающимися волосами он напоминал вампира Лестата. Он выше Лестата, но обладает тем же гибким сложением, такими же голубыми глазами, сильными мускулами и открытым лицом, которое можно назвать почти красивым.

Я вырвалась от отца и подбежала к нему.

«Послушайте, я хотела выйти за вас замуж, – сказала я, – но отец мне не позволил».

Мне никогда не забыть выражение его лица. Но не успел он ответить, как отец схватил меня в охапку и завел с ним ни к чему не обязывающий, соответствующий правилам приличия разговор:

«Так как, Мариус, идут дела у твоего брата в армии? А как твоя история? Я слышал, ты написал тринадцать томов».

Мой отец попятился и буквально унес меня с собой. Мариус не двигался и не отвечал. Вскоре мы присоединились к остальным и поспешно поднимались на холм...

Этот момент изменил весь ход наших жизней. Но тогда ни Мариус, ни я не могли этого знать.

Наша следующая встреча произошла лишь через двадцать лет.

Мне уже стукнуло тридцать пять. Можно сказать, что во многих отношениях мы встретились в царстве Тьмы.

Но прежде я хочу заполнить этот промежуток времени.

Под давлением императорского дома я выходила замуж дважды. Август хотел, чтобы у всех нас были дети. У меня их не было. Однако мои мужья имели многочисленное потомство от девушек-рабынь. Так что я дважды законным путем развелась, получила свободу и твердо решила уйти от общественной жизни, чтобы Тиберий, взойшедший на императорский трон в возрасте пятидесяти лет, не вмешивался в мою жизнь, ибо он был в гораздо большей степени пуританином и домашним диктатором, чем Август. Если я не буду выезжать на банкеты и праздники и крутиться вокруг императрицы Ливии, жены Августа и матери Тиберия, меня, возможно, не принудят стать мачехой! Я затворюсь дома. Мне нужно заботиться об отце. Он

уже стар, хотя еще и вполне здоров. При всем моем уважении к мужьям, чьи имена встречаются в римской истории не только в сносах, я оказалась плохой женой. От отца я получала кучу денег, никого не слушала и предавалась акту любви исключительно на собственных условиях, выполнения которых всегда добивалась, ибо природа одарила меня достаточной красотой, чтобы заставить мужчин страдать.

Чтобы насолить мужьям и избавиться от их общества, я стала поклонницей культа Изида и получила доступ в ее храм, где и проводила огромное количество времени с другими интересными женщинами, некоторые из которых не признавали никаких ограничений и вели намного более бурную жизнь, чем я. Меня привлекали шлюхи. Я видела в них блестящих, свободных женщин, взявших барьер, который мне, любящей дочери своего отца, не преодолеть никогда.

Я стала в храме завсегдатаем. Наконец во время одной из тайных церемоний я была посвящена и начала принимать участие в каждой процессии Изида, устраиваемой в Риме.

Мужьям моим это пришлось не по нраву. Может быть, поэтому, вернувшись в отцовский дом, я отказалась от поклонения культу. Наверное, это было к лучшему. Но мои решения не могли изменить предначертания судьбы.

Изида была богиней другого мира – египетского, и старые римляне относились к ней с не меньшим подозрением, чем к ужасной Кибеле, Великой Матери с далекого Востока, заставлявшей своих приверженцев-мужчин подвергать себя кастрации. В городе появилось множество восточных культов, и консервативное население находило их ужасными.

Эти культы основывались не на рассудке, а на экстазе и эйфории. Они предлагали полное перерождение через понимание.

Для этого типичный римский консерватор был слишком практичен. Если к пятилетнему возрасту ты не усвоил, что боги – существа выдуманные, а мифы сочинили люди, можешь считать себя беспросветным глупцом.

Но в сравнении с жестокой Кибелой Изида обладала весьма примечательным отличием. Изида была любящей Матерью и богиней, Изида прощала своим почитательницам все, Изида появилась еще до создания мира. Изида была щедро наделена терпением и мудростью.

Поэтому в ее храме могли молиться даже самые опустившиеся женщины. Поэтому там никогда никому не отказывали.

Как святая Дева Мария, ныне известная и Западу, и Востоку, царица Изида зачала свое божественное дитя божественным способом. Силой своего волшебства она извлекла живое семя из мертвого и кастрированного Озириса. Ее часто изображали на картинах или запечатлевали в скульптуре с божественным сыном Гором на коленях. Ее невинная грудь была обнажена, чтобы вскормить молодого бога.

А Озирис правил страной мертвых, навеки потеряв свой фаллос в водах реки Нил. И каждый год, когда Нил выходил из берегов, он изливал живительную сперму, удобрявшую удивительные египетские поля.

В храме исполняли божественную музыку. Мы играли на систрае, своеобразной маленькой металлической лире, а также на флейтах и бубнах. Мы танцевали и пели хором. Стихи, воспевавшие Изиду, были утонченными и восторженными. Изида считалась царицей Навигации, равно как позже святую Деву Марию станут называть «Царица Наша, Путеводная Звезда».

Каждый год, когда статую Изида несли к морскому берегу, собиралась столь пышная процессия, что весь Рим высыпал на улицу посмотреть на египетских богов с головами животных, на изобилие цветов и на само воплощение царицы-Матери. В воздухе звенели гимны. Жрецы и жрицы вышагивали в белых льняных одеяниях. Само же изваяние из мрамора, облаченное в царственное греческое платье и причесанное по-гречески, плыло

над головами собравшихся, держа в руках священный сistr. Такой была моя Изида. После последнего развода я отошла от нее. Моему отцу культ не нравился, а сама я достаточно им наслаждалась. Став свободной женщиной, я больше не увлекалась проститутками. Мне было бесконечно лучше, чем им. Я содержала отцовский дом, а отец, несмотря на черные волосы и удивительно острое зрение, был уже достаточно стар, чтобы император оставил меня в покое.

Не могу сказать, что я вспоминала Мариуса или думала о нем. Никто больше о нем не упоминал. Никакая сила на земле не могла встать между мной и моим отцом.

Всем моим братьям сопутствовала удача. Они выгодно женились, завели детей и вернулись домой с жестоких войн, где сражались, защищая границы Империи. Мой самый младший брат, Люций, мне не особенно нравился – он вечно нервничал и пристрастился к выпивке, а также к азартным играм, что очень раздражало его жену.

Ее я любила, как любила жен всех братьев и племянниц с племянниками. Мне нравилось видеть, как стайки детей с благословения тети Лидии носятся по комнатам, – дома им это не разрешалось.

Старший из моих братьев, Антоний, обладал задатками великого человека, стать которым ему не позволила судьба. Но он был вполне готов к такой роли – прекрасно образованный, мудрый и закаленный воин.

В моем присутствии Антоний лишь однажды совершил глупость, когда как-то очень недвусмысленно заявил, что Ливия, жена Августа, отравила супруга, чтобы возвести на трон своего сына Тиберия.

Отец, кроме меня, единственный слушатель, строго сказал ему:

«Антоний, никогда больше так не говори! Ни здесь, ни в любом другом месте. – Отец встал и неожиданно для себя самого изложил суть нашего с ним жизненного стиля: – Держись подальше от дворца императора, держись подальше от семьи императора, будь в первых рядах на состязаниях и обязательно в сенате, но не ввязывайся в их ссоры и интриги!»

Антоний очень рассердился, но его гнев не имел отношения к отцу.

«Я сказал об этом только тем, кому могу доверять, – тебе и Лидии. Мне противно обедать с женщиной, отравившей своего мужа. Август должен был восстановить Республику. Он знал, что его ждет смерть».

«Да, и знал при этом, что Республику восстановить нельзя. Эта задача невыполнима. Империя разрослась до Британии на севере, вышла за пределы Парфянского царства на востоке; она охватывает Северную Африку. Если хочешь быть хорошим римлянином, Антоний, то встань и выскажись начистоту в сенате. Тиберий это приветствует».

«Ох, отец, как жестоко ты заблуждаешься», – возразил Антоний.

Отец положил конец спору.

Но мы с ним жили именно по тем правилам, о которых он говорил.

Тиберий не пользовался популярностью среди шумной римской толпы: слишком стар, слишком сух, лишен чувства юмора и к тому же пуританин и тиран одновременно.

Но одно достоинство его извиняло. Помимо своей все возрастающей любви к философии и познаний в ней он был очень хорошим солдатом. Самое важное качество, необходимое для императора.

Армия его высоко почитала.

Он увеличил вокруг дворца число преторианских когорт, а для управления нанял человека по имени Сеян. Но он не стал вводить в Рим легионы и говорил чертовски хорошие слова о личных правах и свободе, если, конечно, вам удавалось не заснуть под его речи и услышать эти слова. Мне он казался ужасным занудой.

Сенат сходил с ума от нетерпения, когда он отказывался принимать решения. Сами они не желали что-либо решать. Но все выглядело относительно безопасным.

Потом случилось ужасное происшествие, заставившее меня возненавидеть императора всем сердцем и потерять всякую веру в него и в его способность править.

Этот инцидент имел отношение к храму Изиды. Некий хитрый злодей, утверждавший, что он – египетский бог Анубис, соблазнил высокородную последовательницу Изиды и переспал с ней прямо в храме, совершенно задурив ей голову, – хотя я ума не приложу, как ему это удалось.

Я до сих пор вспоминаю ее как самую глупую женщину в Риме. Но, возможно, я всего не знаю.

Так или иначе, дело было в храме.

А потом этот мужчина, фальшивый Анубис, пошел к той высокородной добродетельной женщине и в самых ясных выражениях сообщил о том, что между ними произошло. Она с воплями бросилась к мужу. Разразился невероятной силы скандал.

Я в душе порадовалась, что вот уже несколько лет не бывала в храме.

Но со стороны императора последовали такие ужасные действия, которые мне и не снились.

Храм сровняли с землей. Всех приверженцев культа выслали из Рима, некоторых казнили. Всех наших жрецов и жриц распяли, их тела повесили на деревьях, чтобы, как говорили в старом Риме, «умирали медленно и гнили напоказ».

Отец пришел ко мне в спальню. Приблизившись к маленькому святилищу Изиды, он взял статую и швырнул ее о каменный пол. Потом поднял куски побольше и разбил каждый из них. Он растер их в пыль.

Я лишь молча кивнула.

Вне себя от горя и потрясения, я ожидала, что он станет осуждать меня за старые привычки. Все происходящее повергало меня в ужас. Начались гонения на другие восточные культы. Император собирался отнять право устраивать святилища у многих храмов по всей Империи.

«Этот человек недостойн быть императором Рима, – сказал отец. – Он согбен под тяжестью жестокости и лишений. Он негибок, скучен и страшится за свою жизнь! Человек, не способный быть императором, не должен становиться императором. Во всяком случае, не в наше время».

«Может быть, он уйдет в отставку, – печально предположила я. – Он усыновил молодого полководца Германика Юлия Цезаря. Ведь это значит, что Германик будет его наследником?»

«Разве прежним наследникам Августа усыновление пошло на пользу?»

«Что ты имеешь в виду?»

«Подумай головой, – сказал отец. – Нельзя больше притворяться, что мы живем в Республике. Необходимо определиться статус императора и пределы его полномочий! Необходимо создать схему наследования, исключаящую убийство».

Я попыталась его успокоить.

«Отец, давай уедем из Рима. Поселимся в нашем доме в Тоскане. Там всегда так хорошо!»

«В том-то и дело, что мы не можем уехать, Лидия. Я должен оставаться здесь. Должен хранить верность своему императору. Ради семьи. Я обязан выступить в сенате».

Через несколько месяцев Тиберий отослал своего молодого и красивого племянника Германика Юлия Цезаря на Восток, чтобы убрать подальше от низкопоклонничества и лести римлян. Как я уже говорила, люди высказывались начистоту.

Предполагалось, что Германик; будет наследовать Тиберию. Но Тиберий оказался слишком завистлив, чтобы слушать, как толпа восхваляет Германика за его боевые заслуги. Он хотел удалить его из Рима.

Таким образом, довольно обаятельный и соблазнительный молодой полководец отправился на Восток, в Сирию, и исчез с любящих глаз римского народа, из сердца Империи, где городская толпа вершила судьбы мира.

Рано или поздно начнется новая северная кампания, поняли мы. Германик в ходе последней кампании нанес сильный удар по германским племенам.

За обеденным столом мне в животрепещущих подробностях поведали об этом братья.

Они рассказали, как вернулись, чтобы отомстить за страшное избиение полководца Вара и его войск в Тевтобургском лесу. Если их призовут еще раз, можно закончить дело, и мои братья согласны отправиться в поход. Они принадлежали к числу тех старомодных патрициев, которые всегда готовы были сражаться.

Тем временем поползли слухи, что делатории, печально известные шпионы преторианской гвардии, кладут себе в карман треть состояния тех, на кого доносят.

Я сочла это ужасным, но отец лишь покачал головой.

«Это началось еще при Августе».

«Да, отец, – ответила я, – но тогда предательством считались поступки, не слова».

«Тем больше причин молчать. – Он устало откинулся на спинку ложа. – Лидия, спой мне. Доставай лиру. Сочини какую-нибудь смешную эпическую поэму. Давно уже я тебя не слушал».

«Я уже вышла из этого возраста», – ответила я, вспоминая глупые, непристойные сатиры на Гомера, которые я раньше придумывала так быстро и легко и которыми все восхищались. Но его просьба меня крайне обрадовала.

Я так явственно помню ту ночь, что не могу оторваться от изложения, несмотря на то что знаю, какие страдания мне предстоит описать далее.

Что такое письменная речь? Дэвид, ты увидишь, что я задам этот вопрос не один раз, ибо с каждой заполненной страницей я понимаю все больше и больше – я отчетливо вижу многое из того, что прежде оставалось недоступным моему разуму, и потому я скорее витала в мечтах, чем действительно жила.

В ту ночь я все-таки сочинила очень забавную поэму. Отец посмеялся. Он заснул прямо на кушетке. А потом заговорил как в трансе:

«Лидия, ты не должна из-за меня оставаться всю жизнь одинокой. Выйди замуж по любви! Нельзя сдаваться!»

Когда я обернулась к нему, он уже снова ровно дышал.

Через две недели – или через месяц – наша спокойная жизнь внезапно закончилась.

Однажды я вернулась домой и обнаружила, что дом совершенно пуст, если не считать двух перепуганных старых рабов – рабов, в действительности принадлежавших моему брату Антонию; они впустили меня и крепко заперли дверь на засов.

Я прошла через огромный вестибюль в перистиль и в гостиную. Мне открылось удивительное зрелище.

Отец был в полном боевом облачении, он вооружился мечом и кинжалом, не хватало только щита. Он даже нашел свой красный плащ. Блестел отполированный нагрудник.

Он пристально смотрел в пол, и не без причины – весь пол был перекопан и на свет извлекли очаг, которым пользовалось когда-то очень давно не одно поколение нашего рода. В глубокой древности наш дом начался именно с этой комнаты, и вся семья собиралась вокруг очага, чтобы обедать или молиться.

Я его никогда не видела. У нас были домашние святилища, но этот гигантский круг из обгорелых камней поразил меня до глубины души. Обнажился даже пепел. Очаг производил впечатление зловещего и одновременно священного места.

«Во имя богов, что происходит? – спросила я. – Где все?»

«Ушли, – ответил он. – Я освободил рабов и послал их собрать вещи. Я ждал тебя. Ты должна немедленно уходить!»

«Только с тобой!»

«Ты не слушаешься меня, Лидия! – Никогда я не видела на его лице столь умоляющего выражения, но он по-прежнему был исполнен достоинства. – За домом стоит повозка, она отвезет тебя на побережье, а один купец-еврей, друг, которому я больше всего доверяю, вывезет тебя морем из Италии! Я хочу, чтобы ты уехала! Твои деньги, одежда и все необходимое уже погрузили на судно. Этим людям я доверяю. Тем не менее возьми этот кинжал. – Он взял со стола кинжал и отдал его мне. – Ты достаточно наблюдала за своими братьями, чтобы уметь им пользоваться, – добавил он. – И еще... – Он протянул руку и взял какой-то мешок. – Это золото – валюта, которая ценится во всем мире. Бери и уходи».

Я всегда носила с собой кинжал, он был закреплен в перевязи возле локтя, но сейчас не время было шокировать его этим, так что я положила кинжал в кушак и взяла кошель.

«Отец, я не боюсь оставаться с тобой! Кто на нас нападает? Отец, ты же римский сенатор! В каком бы преступлении тебя ни обвинили, твою судьбу полагается решать суду сената».

«Драгоценная моя сообразительная дочка! Ты что, думаешь, что этот злодей Сеян со своими делаториями выступает с обвинениями в открытую? Его спекуляторы уже успели заставить врасплах твоих братьев, их жен и детей. Это рабы Антония. Прежде чем умереть, он успел послать их ко мне с предупреждением о грозящей опасности. Он видел, как его сына пригвоздили к стене. Лидия, уходи».

Конечно, мне было известно о римском обычае убивать всю семью осужденного. Это даже соответствовало закону. И в подобных случаях, едва лишь появлялись слухи о том, что кто-то впал в немилость у императора, любой враг мог опередить убийц».

«Ты поедешь со мной, – сказала я. – Зачем тебе оставаться?»

«Я умру римлянином, в собственном доме. А теперь уходи, если ты меня любишь, моя поэтесса, моя певица, моя мыслительница. Моя Лидия! Уходи. Непослушания я не потерплю. Я потратил последний час своей жизни на то, чтобы договориться о твоём спасении! Поцелуй меня и подчинись».

Я подбежала к нему, поцеловала его в губы, и рабы немедленно вывели меня через сад.

Я своего отца знала. Нельзя было взбунтоваться, раз дело касалось его последнего желания. Я была уверена, что, прежде чем спекулятории вломятся в дверь, отец по старому римскому обычаю, вероятнее всего, покончит с собой.

Когда я дошла до ворот и заметила купцов-евреев с повозкой, я не смогла уйти. Вот что я увидела.

Мой отец вспорол себе запястья и кругами ходил вокруг домашнего очага, а кровь лилась прямо на пол. Он буквально располосовал себе руки. С каждым шагом он все больше белел. Выражение его глаз в тот момент я смогла понять только позднее.

Раздался громкий треск. Входную дверь искромсали в клочья. Отец застыл на месте. К нему направились два преторианца. Один из них насмешливо заметил:

«Что же ты себя не прикончишь, Максим, и не избавишь нас от забот? Давай же!»

«Вы гордитесь собой? – сказал отец. – Труссы. Вам нравится убивать целые семьи? Сколько вы получаете денег? Вы когда-нибудь сражались в настоящей битве? Ну так умрите же вместе со мной!»

Повернувшись к ним спиной, он принялся размахивать мечом и кинжалом, а когда они подошли ближе, сделал неожиданный выпад и сразил обоих. Он нанес им несколько ударов.

Отец пошатнулся, как будто вот-вот упадет в обморок. Он побелел. Кровь все лилась и лилась на пол. Глаза закатились.

У меня зрели безумные планы. Мы должны усадить его в повозку. Но такой гордый римлянин, как мой отец, никогда бы не подчинился.

Внезапно евреи – молодой и пожилой – схватили меня за руки и потащили прочь от дома.

«Я поклялся, что спасу вас, – сказал старик. – И вы не заставите меня солгать старому другу».

«Отпустите меня, – прошептала я. – Позвольте остаться с ним до конца!»

Оттолкнув смущенных мужчин, я повернулась и издалека увидела у очага тело моего отца. Он покончил с собой собственным кинжалом.

Меня поспешно втолкнули в повозку, я закрыла глаза и зажала руками рот. Когда повозка начала медленно спускаться с Палатинского холма по извилистой дороге, я покачнулась и рухнула на мягкие подушки и свертки тканей.

Солдаты закричали, чтобы мы, черт побери, убирались из-под ног.

«Я совсем глух, господин, что вы сказали?» – переспросил пожилой еврей.

Это отлично подействовало. Они проскакали мимо.

Еврей точно знал, что делать. Пока мимо нас неслись толпы всадников, мы сохраняли медленный темп.

Потом молодой человек залез в повозку сзади.

«Меня зовут Иаков, – сказал он. – Вот, наденьте эти белые накидки. В них вы будете похожи на женщину Востока. Если у ворот вам начнут задавать вопросы, опустите покрывало и притворитесь, что не понимаете».

Мы миновали ворота Рима с потрясающей легкостью. Все, что я слышала, это:

«Привет, Давид и Иаков, удачно съездили?»

Мне помогли взойти на борт ничем не примечательного большого торгового судна с парусами и гребцами-рабами, а потом провели в небольшое помещение с голыми деревянными стенами.

«Вот все, что у нас для вас нашлось, – сказал Иаков. – Но мы уже отплываем».

У него были длинные, волнистые коричневые волосы и борода. Полосатые одежды спускались до земли.

«В темноте? – спросила я. – Отплываем в темноте?»

Это было необычно.

Тем временем гребцы опустили на воду весла, судно, вырулив на верный курс, двинулось в южном направлении, и я отчетливо видела все, что происходит.

Прекрасное юго-западное побережье Италии отлично освещалось сотнями огней на роскошных виллах. На скалах стояли маяки.

«Мы больше никогда не увидим Республику, – устало сказал Иаков, словно и сам он был римским гражданином, хотя, думаю, он таковым и являлся. – Но последнее желание вашего отца исполнено. Теперь мы в безопасности».

Ко мне подошел старик и представился Давидом.

Старик красноречиво извинился, что здесь нет служанок женского пола. Я – единственная женщина на борту.

«О, прошу вас, выбросите эти мысли из головы! Почему вы согласились пойти на такой риск?»

«Мы много лет вели дела с вашим отцом, – сказал Давид. – Когда-то давно пираты потопили наши корабли, и ваш отец взял на себя долги. Он еще раз оказал нам доверие, и мы отплатили ему пятикратно. Он собрал для вас целое состояние. Все ценности размещены вместе с остальным грузом, как будто ничего не стоят».

Я прошла в каюту и рухнула на маленькую кровать. Старик принес мне одеяло, старательно отводя при этом взгляд.

Постепенно до меня кое-что дошло. Я была совершенно уверена, что они меня выдадут.

У меня не было слов. У меня не было сил ни шевелиться, ни что-либо чувствовать.

«Спите, госпожа», – сказал он.

Мне привиделся кошмар – ничего подобного мне еще не снилось. Я стояла у реки. И жаждала напиться крови. Застыв в высокой траве, я ждала кого-нибудь из жителей деревни, а когда поймала беднягу, то схватила его за плечи и вонзила ему в шею клыки. Рот наполнился восхитительной кровью. Она оказалась до того сладкой и крепкой, что и не описать, – я понимала это даже во сне. Но пора было бежать. Человек почти умер. Я уронила его. Меня преследовали другие, более опасные люди. Существовала и еще одна страшная угроза моей жизни.

Я вышла к развалинам храма, подальше от болота. Здесь начиналась пустыня – шелк, и влажную почву сменил песок. Мне было страшно. Приближалось утро. Нужно спрятаться! К тому же за мной охотились. Я переварила восхитительную кровь и вошла в храм. Спрятаться негде! Я всем телом прижалась к холодным стенам! Они были испещрены рисунками. Но никакой комнаты, никакого убежища не было.

До рассвета нужно успеть добраться до холмов, но это невозможно. Я двигаюсь прямо на солнце.

Внезапно над холмами загорелся смертоносный свет. Глаза пронзила невыносимая боль. Их жгло, как огнем...

«Мои глаза! – вскричала я и подняла руки, чтобы прикрыть их. Меня охватило пламя. Я закричала: – Амон-Ра, проклиная тебя!»

Я выкрикнула еще одно имя. Я понимала, что обращаюсь к Изиде, но имя было другое.

Я проснулась. Я резко выпрямилась, вся дрожа. Сон был четкий, как видение. Он потряс меня до глубины души. У меня была прошлая жизнь?

Я вышла на палубу корабля. Все было в порядке. На горизонте еще виднелась суша и сияли маяки, судно шло своим курсом. Я смотрела на море, и мне хотелось крови.

Не может быть. Это злое знамение, обманы скорби, думала я, чувствуя, что горю. Я не могла забыть вкус крови, он казался вполне естественным, приятным и идеально подходил для утоления моей жажды. Я снова увидела застывшее в неестественной позе тело крестьянина на болотах.

Это был настоящий ужас; от того, что предстало перед моими глазами, никуда не деться. Я едва не дымила, чувствовала себя как в лихорадке.

Ко мне подошел Иаков, высокий молодой человек. С ним рядом стоял юный римлянин. Юноша уже начал бриться, но в остальном выглядел раскрасневшимся, сияющим ребенком.

«Неужели в свои тридцать пять я настолько стара, что все молодое мне кажется красивым?» – устало подумала я.

Он плакал:

«Мою семью тоже предали! Мама заставила меня уехать!»

«И кому мы обязаны нашей общей катастрофой?» – спросила я, глядя ладонями его мокрые щеки. Совсем еще детский рот, но щетина вокруг него кажется жесткой. Сильные широкие плечи, легкая просторная туника. Почему он не мерзнет здесь, на воде? Может быть, и мерзнет.

Он покачал головой. Он все еще был хорошеньким, а позже станет красивым. Темные волосы завиваются весьма мило. Он не стыдился своих слез и не извинялся за них.

«Моя мать не умирала, пока не рассказала мне. Когда делатории сказали, что мой отец строил заговор против императора, отец засмеялся. На самом деле засмеялся. Его обвинили в совместных заговорах с Германиком! Мать не могла умереть, не рассказав мне об этом.

Она сказала, что отца обвинили только в беседах с другими мужчинами о том, что он будет служить Германику, если их пошлют на север».

Я устало кивнула.

«Ясно. Мои братья, наверное, говорили то же самое. А Германик: – наследник императора и Imperium Majus на Востоке. Однако говорить, что будешь служить Риму под командованием красивого полководца, считается предательством».

Я повернулась, чтобы уйти. Понимание событий не принесло утешения.

«Мы доставим вас в разные города, – сказал Иаков, – к разным друзьям. И лучше не будем говорить, куда именно».

«Не оставляйте меня, – попросил мальчик, – только не сегодня».

«Ладно», – ответила я. Я повела его в каюту и закрыла дверь, вежливо кивнув Иакову, следившему за нами с рвением стража.

«Чего ты хочешь?» – спросила я.

Мальчик пристально посмотрел на меня и покачал головой. Он раскинул руки, повернулся, подошел и поцеловал меня. Мы предались неистовым поцелуям.

Я сняла рубашку и упала с ним на кровать. Невзирая на по-детски нежное лицо, он был уже настоящим мужчиной.

И дойдя до экстаза, что оказалось довольно легко, учитывая его феноменальную энергию, я почувствовала вкус крови. Я стала той, что пила кровь в моем сне, и расслабилась, но это ничего не меняло. Он вполне мог закончить обряды к собственному удовлетворению.

«Ты богиня», – прошептал он, поднявшись.

«Нет», – прошептала я. Начинался сон. Я услышала, как над песком поднимается ветер. Уловила запах реки. – Я – бог... бог, который пьет кровь.

Мы совершали ритуалы любви, пока не лишились последних сил.

«Веди себя с нашими хозяевами осмотрительно и предельно прилично, – сказала я. – Они никогда такого не поймут».

Он кивнул:

«Я тебя обожаю».

«В этом нет необходимости. Как тебя зовут?»

«Марцелий».

«Отлично, Марцелий, ложись спать».

Мы с Марцелием бурно проводили каждую ночь, пока наконец не увидели знаменитый Фаросский маяк; тогда мы поняли, что прибыли в Египет.

Было совершенно очевидно, что Марцелия оставят в Александрии. Он объяснил мне, что его бабушка по матери еще жива, она гречанка, как и весь ее клан.

«Не рассказывай мне таких подробностей, иди, – сказала я. – Желаю тебе быть мудрым и жить в безопасности».

Он умолял меня пойти с ним. Он сказал, что влюбился в меня и хочет на мне жениться. Не важно, что я не могу иметь детей. Ему все равно, что мне тридцать пять лет. Я тихо смеялась, не желая его обидеть.

Иаков опускал взор, но все замечал. А Давид отводил глаза.

За Марцелием в Александрию последовал не один сундук.

«Теперь, – обратилась я к Иакову, – не скажете ли вы, куда меня везут? У меня могут появиться свои соображения по этому поводу, хотя я сомневаюсь, что смогу придумать нечто лучшее, чем мой отец».

Меня по-прежнему одолевали сомнения. Поступят ли они со мной честно? Особенно теперь, когда они видели мое непристойное поведение в отношении этого мальчика. Они же так религиозны.

«Вы направляетесь в большой город, – ответил Иаков. – Лучше и быть не может. У вашего отца там есть друзья-греки!»

«Как он может быть лучше Александрии?» – спросила я.

«О, он намного лучше, – сказал Иаков. – Позвольте я поговорю с отцом, прежде чем продолжать».

Мы вышли в море. Земля таяла на горизонте. Египет. Уже темнело.

«Не бойтесь, – сказал Иаков. – У вас испуганный вид».

«Я не боюсь, – ответила я. – Дело в том, что, лежа в постели, я не могу избавиться от тревожных мыслей и снов. – Я взглянула на него, он застенчиво отвел глаза. – Я каждую ночь прижимала к себе того мальчика как мать».

Большой лжи мне, должно быть, за всю жизнь не доводилось произносить.

«Я обнимала его как ребенка. – Ну и ребенок! – А теперь я боюсь кошмаров. Но скажите же мне, куда мы направляемся? Какая нас ждет судьба?»

Глава 3

«Антиохия, – сказал Иаков. – Антиохия-на-Оронте. Вас ожидают греки, друзья вашего отца. Они друзья и Германику. Возможно, со временем... но они будут вам верны. Вам предстоит выйти замуж за образованного и состоятельного грека».

Замуж?! За грека, провинциала-грека? Грека из Азии?! Я подавила и смех, и слезы. Этого не будет. Бедняга! Если это действительно грек-провинциал, то ему предстоит заново пережить завоевание Рима.

Мы плыли дальше, от порта к порту. У меня в голове все перепуталось.

Конечно, только тошнотворная повседневная суэта не позволяла мне полностью отдаваться неизбежному горю: «Беспокойся о том, правильно ли подпоясано твое платье. Забудь, как твой отец лежал мертвый с кинжалом в груди».

Что касается Антиохии, то я мало что слышала или знала об этом городе – меня интересовала только жизнь Рима. Если Тиберий, желая убрать подальше от Рима своего «наследника» Германика, избрал местом его пребывания Антиохию, то, решила я, она должна быть концом цивилизованного мира.

«Во имя богов, и что мне было не сбежать в Александрии?» – думала я. Александрия – крупнейший город в Империи после Рима. Молодой город, построенный Александром, в чью честь и назван, славится как порт. Никто никогда не посмеет разрушить в Александрии храм Изиды. Изида – египетская богиня, жена могущественного Озириса.

Но какое это имеет отношение к действительности? Должно быть, в глубине моего сознания зрели определенные планы, но мораль высокородной римлянки не позволяла им всплыть на поверхность и запятнать мою честь.

Я тихо поблагодарила своих стражей-евреев за благоразумие, за то, что они скрывали это даже от юного римлянина Марцелия, также спасенного ими от убийц императора, и попросила откровенно ответить на вопросы относительно моих братьев.

«Всех застали врасплох, – сказал Иаков. – Делатории, шпионы преторианской гвардии, времени не теряют. А у вашего отца было столько сыновей! По приказу своего господина рабы вашего старшего брата перепрыгнули через стены и побежали предупредить вашего отца».

Антоний! Надеюсь, ты пролил их кровь. Я знаю, ты дрался до последнего вздоха. А моя племянница, моя маленькая племянница Флора, бежала ли она от них с криками, или же они убили ее милосердно? Преторианцы – и милосердие! Что за глупая мысль. Я не произнесла вслух ни звука. Просто вздохнула. В конечном счете, глядя на меня, оба купца-еврея видели тело и лицо женщины; естественно, мои защитники считали, что и внутри скрывается женщина. Несоответствие внешности внутренним склонностям беспокоило меня всю жизнь. Зачем же смущать Иакова и Давида? Едем в Антиохию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.